

Автор входит в Топ-10 The Sunday Times

СЬЮЗЕН ЛЬЮИС

Тайная жизнь Софи

«Если бы из слез можно было построить лестницу,
Я поднялся бы по ней прямо на небеса и вернул тебя домой»

Annotation

Андреа Лоуренс берется за расследование загадочного исчезновения четырнадцатилетней Софи из отчего дома. Улики указывают на то, что после ссоры с родителями она сбежала из города с неизвестным юношей, но у Андреа иное мнение. В ее собственном прошлом имеется неприглядная тайна, и она слишком уж похожа на историю Софи. Андреа решает этим воспользоваться, чтобы разыскать девушку, но ни одно из ее предположений не сравнится с тем, что произошло на самом деле.

Сьюзен Льюис

Тайная жизнь Софи

Susan Lewis

Behind Closed Doors

© Савельев К., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Джиму, с любовью

– Куда ты собралась?

– *На улицу*. Хорошо?

– Нет, пока ты не уберешься на столе, и еще много чего нужно сделать.

– Я не твоя чертова рабыня.

– Не говори со мной таким тоном и прекрати все время спорить. Тарелки вот надо помыть...

– Жди больше!

Обычно мягкие карие глаза Хейди Монро гневно сверкнули, несмотря на усталость, а ее бледно-розовые щеки, обрамленные растрепанными выющимися локонами темных волос, вспыхнули.

– Софи, на сегодня с меня уже достаточно твоих выходок. – Она вздохнула. – Я совершенно разбита, у меня болит голова, и Арчи может проснуться в любую минуту...

– Ну и что? Ты сама решила родить ребенка, вот и ухаживай за ним.

– Конечно, я буду ухаживать за ним, но без твоей помощи мне не обойтись. Скоро вечер, а у меня дел невпроворот...

– Ради бога, сегодня же воскресенье! Нормальные люди по воскресеньям отдыхают, но только не *ты*. И я тоже не отдыхаю, а все благодаря тебе и этому проклятому дому. Не я же взвалила на себя столько работы, поэтому не понимаю, почему я тоже должна вкалывать...

– Большинство девушек твоего возраста совсем не прочь зарабатывать на карманные расходы. Разве тебе не повезло? А ты только вечно огрызаешься!

– Господи, мне же *четырнадцать* лет! Мне хочется нормально жить...

– Судя по всему, ты живешь более чем нормально, и ты понимаешь, что я имею в виду. Разве ты не знаешь, что о тебе говорят люди?

– Мне наплевать, что они говорят. Эта кучка жалких неудачников.

– Не думаю, что это так, Софи. И если твой отец когда-нибудь узнает...

– Заткнись! Просто заткнись. – Миловидное, но искаженное яростью лицо Софи казалось ярко-красным пятном в ореоле светлых мелированных волос с фиолетовыми прядями; ее лавандово-голубые глаза потемнели от гнева и смятения. Ничего, *ничего* в ее жизни не получалось правильно, и это было просто несправедливо.

- Перестань кричать, а то разбудишь Арчи.
- Это ты кричишь, и мне наплевать, если он проснется. Я хочу прогуляться.
- Нет, ты не...
- Ради всего святого, я работала весь день и заслужила небольшой отдых.
- Вот разберешься на столе и наведешь порядок в углу спальни, тогда и пойдешь.
- Я сейчас пойду!
- Софи, вернись.
- Я же сказала, что уйду *прямо сейчас*.

Они стояли, глядя друг на друга; месяцы ожесточения и взаимного непонимания тикали между ними, словно бомба с часовым механизмом. Они как будто перестали узнавать друг друга и бросали вызов чудовищам, поселившимся в каждой из них: нанести первый удар или отступить?

Губы Софи дрожали, когда она сверлила взглядом Хейди.

- Ты не можешь заставить меня делать то, чего я не хочу, – сердито выдохнула она.
- Хочешь, чтобы я рассказала твоему отцу, как ты разговариваешь со мной?
- Рассказывай что хочешь, ему все равно дела нет.
- Ты же знаешь, что это неправда.

– О господи! – раздраженно выпалила Софи, когда годовалый Арчи начал кричать. – Я сию же минуту убираюсь отсюда.

Но когда она распахнула дверь кухни, то едва не столкнулась со своим отцом.

– Что здесь происходит? – грозно спросил Гэвин Монро. – Я услышал вас издали...

– Это не я, а она! – выкрикнула Софи. – Она снова придирается ко мне. Пилит, пилит и пилит... – Она развернулась к Хейди, словно провоцируя ее. – Почему бы тебе не пойти и не заткнуть рот этому тупому младенцу?

– Софи! – рявкнул отец, ошеломленный и рассерженный одновременно.

Но дочь не слушала его; она уже убегала по коридору.

– Если ты сейчас уйдешь, то можешь не возвращаться, – крикнула Хейди ей вслед.

– Спасибо, я поняла, что ты хочешь, чтобы я покончила с собой! – в ответ крикнула Софи. Ворвавшись в свою спальню, она захлопнула дверь с такой силой, что со стены упал плакат.

Она ненавидела их! На самом деле ненавидела, и теперь пусть помучаются, если она и впрямь уйдет из дома или, еще лучше, покончит с собой. Да-да, она вполне могла это сделать, – по крайней мере, тогда она наконец вырвется отсюда, и ей больше не придется мириться с их присутствием. Почему они всегда так подло обходятся с ней, заставляют ее чувствовать себя глупой или бесполезной, словно ненужная вещь, которая все время попадает под ноги?

Схватив свой iPod, она подключила его к динамику и включила звук на полную мощность. Ей не хотелось, чтобы они слышали ее рыдания, чтобы они радовались тому, что им наконец удалось достать ее, хотя именно так и было на самом деле, потому что она едва могла вздохнуть.

Рухнув на кровать, Софи взяла старую тряпичную куклу и крепко прижала ее к груди. Иногда ей казалось, что эта кукла осталась ее единственным другом на этом свете. Девочка хранила ее с детских лет и никогда, *никогда* не собиралась отказываться от нее. Это был мамин подарок, и еще долгое время после ее смерти Софи плакала, уткнувшись в соломенные кукольные волосы, уверенная в том, что по-прежнему может почувствовать

запах маминых духов, а иногда даже услышать ее голос.

– Все в порядке, милая, – шептала ее мама. – Я по-прежнему здесь. Ты просто не можешь увидеть меня, вот и все.

– Я хочу, чтобы ты вернулась, – рыдала десятилетняя Софи.

– Знаю, моя хорошая, и я бы вернулась, если бы могла, но ты большая и храбрая девочка...

– Нет, я не храбрая. Пожалуйста, мама, я хочу быть с тобой!

– Но как папа обойдется без тебя? Ему будет так одиноко, а ты знаешь, как сильно он тебя любит.

Она была уверена, что раньше отец любил ее, но сейчас он гораздо больше интересовался маленьким Арчи. Как и Хейди. Все вращалось вокруг Арчи, и, по правде говоря, Софи тоже хотелось любить его, потому что это ужасно – ненавидеть младенца. Беда была в том, что он только плакал, ел и обдывал пеленки. Он никогда не смеялся, как другие младенцы, не корчил забавные рожицы и даже выглядел как-то странно, хотя она никому не говорила об этом. Ей не хотелось признаваться в этом даже самой себе, так это было плохо. Но одно было несомненно: она ему не нравилась. Если она проходила мимо малыша, он начинал верещать на всю катушку, и от этого ей тоже хотелось выть.

Но самое неприятное заключалось в том, что до рождения Арчи они с Хейди, можно сказать, были лучшими подругами. Конечно, это нельзя было сравнить с отношениями с мамой, но они с Хейди вместе ходили в разные места, укладывали друг другу волосы и упражнялись в искусстве макияжа. Софи даже не возражала, когда отец сказал, что собирается жениться на Хейди, поскольку было определено лучше иметь в доме Хейди, чем лежать по ночам в своей спальне, слушать отцовский плач и не представлять, как его можно утешить. С появлением Хейди все изменилось. Она умела его рассмешить, и отцу вдруг снова захотелось заниматься делами. Иногда он шутя говорил, что это все равно что иметь двух дочерей вместо одной, потому что Хейди лишь недавно исполнилось тридцать, и она была на шестнадцать лет моложе его, но она никогда не казалась взрослой. Зато теперь, после рождения Арчи, она сильно изменилась, постоянно выбивалась из сил, отстранилась от Софи, и это заставляло девушку снова тосковать по матери.

Если бы только она снова могла оказаться вместе с мамой и папой, когда они жили в Девоне и пели в летних кемпингах, на детских вечеринках и в церкви! Она до сих пор училась дома, хотя мать всегда говорила, что ей нужно ходить в нормальную школу. После одиннадцати лет так и случилось, но, пожалуй, лучше бы она по-прежнему училась дома.

Мысль о школе наполнила ее другими болезненными воспоминаниями, от которых сжималось сердце. Меньше чем через три недели летние каникулы закончатся, и ей снова придется встретиться с этими ужасными девчонками. Они вечно приставали к ней, обзывали ее, дергали за волосы и даже пинали, когда она проходила мимо. В конце прошлого учебного года они стали рассказывать, что у нее какая-то венерическая болезнь, поэтому от нее лучше держаться подальше. Казалось, все им поверили, потому что Софи оказалась почти в полной изоляции, и только Эстелла продолжала с ней дружить.

– Они просто завидуют, потому что не такие красивые, как ты, – настаивала Эстелла. – И мальчикам ты больше нравишься.

Софи не считала себя красивее других, а что касается мальчиков...

Теперь слезы еще быстрее струились по ее лицу. Ее не волновали мальчики, школа или что-либо другое; сейчас она могла думать лишь о том, как несправедливо, что у нее больше

нет матери, когда у всех остальных они были. Из-за этого она чувствовала себя какой-то уродкой, ей жить не хотелось. Хотя она знала, что это полная чушь, но чувствовала себя именно так.

– Ты должна быть храброй, моя милая, – прошептала мать в тот день, когда она сказала Софи, что долго не продержится. – Знаю, сначала будет нелегко, но ты уже большая девочка, и папе понадобится твоя помощь.

– Но я не хочу, чтобы ты уходила. – Софи расплакалась. – Пожалуйста, пожалуйста, не уходи!

– Любимая, я обещаю, что осталась бы подольше, если бы могла, хотя бы ради тебя, но врачи больше ничем не могут мне помочь.

– Что, если мы помолимся вместе?

– Мы уже молились, дорогая, но, боюсь, это уже не поможет. Поэтому вот что мы с тобой сделаем: мы начнем записывать в этом дневнике наши воспоминания, а когда меня не станет, ты сможешь добавлять туда все, что захочешь, – слова, цветы, открытки, фотографии, локоны волос, мечты и желания. И ты будешь чувствовать, что мы по-прежнему вместе.

Сейчас книга лежала рядом с кроватью Софи, но было не похоже, что они с матерью делятся своими чувствами. Хотя девочка продолжала клеивать туда разные мелочи и записывать свои мысли и впечатления, делая вид, что разговаривает с мамой. Но она-то прекрасно понимала, что теперь она осталась одна, маме как будто не было больше до нее никакого дела.

Внезапно соскочив с кровати, Софи приподняла матрас и сунула дневник внутрь, словно хоронила его, как и свою мать. Она больше не хотела видеть эту тетрадь. Ей показалось глупостью и ребячеством продолжать делать записи, словно она до сих пор верит в Деда Мороза или зубную фею. Теперь она стала взрослой и хорошо понимала, что когда люди умирают, то уходят навсегда. Ее мать не вернется, а отец больше не интересуется ею, поэтому она с таким же успехом может быть мертвой.

Она взяла мобильный телефон, включила музыку еще громче и пошла открыть окно. Солонватый запах теплого моря, мигающие огни парка аттракционов на другой стороне улицы и какофония криков и смеха, волнами доносившаяся от каруселей, захлестнули ее. Поскольку они жили в бунгало на окраине кемпинга со стоянкой для трейлеров, выскользнуть наружу не составляло труда: ей стоило лишь забраться на подоконник и спрыгнуть на траву.

Через несколько минут Софи бежала между фургонами, направляясь на пляж. Она точно не знала, как долго там пробудет и придет ли отец ее искать. Обычно он рано или поздно делал это, но сегодня вечером собирался уехать, так что, скорее всего, не станет тратить время на ее поиски. Он просто постучит в дверь ее спальни по пути на улицу, крикнет что-нибудь ободряющее, а когда она не ответит, то решит, что она сидит внутри и дует на весь мир.

«Позвони мне, когда будешь в лучшем настроении», – скажет он, или что-то еще в этом роде, а потом уйдет. Он не догадается, что ее уже нет дома. Никто не узнает до утра, а тогда...

– Эй, Софи, что ты здесь делаешь?

Ее сердце неожиданно возликовало. Неужели это?.. Должно быть, так. Она была уверена, что узнала голос.

Софи быстро обернулась и расплылась в улыбке. В конце концов Бог оказался на ее

стороне. Он собирался устроить все именно так, как ей хотелось...

В какой-то момент своей жизни Андреа Лоуренс сделала неправильный выбор. Она уже давно знала об этом – невозможно было не знать, когда понимание этой ошибки сопровождало ее, словно тень, или появлялось из ниоткуда, подобно зловещему напоминанию. Порой она даже не узнавала себя, когда смотрелась в зеркало, и задавалась вопросом: а что она, собственно, делает в этом серьезном расследовании? Но назад уже было повернуть невозможно. Она могла лишь следовать по выбранному пути, не задаваясь подобными вопросами, и надеяться на то, что в конце концов все будет хорошо.

Но разве это возможно, когда практически все безнадежно испорчено? Она не вполне владела собой и даже принимала решения, с которыми сама не была согласна, но гордость – да, ей приходилось признать это, – *гордость* каждый раз мешала ей повернуть назад. Профессионализм тоже играл определенную роль, так как Энди неплохо справлялась со своей работой, и некоторые даже утверждали, что она была рождена для этого, но сама она понимала, что это неправда.

Такие мысли кружились в ее голове, когда кто-то нерешительно спросил:

– Привет, у тебя найдется свободная минутка?

Оторвавшись от материалов дела, которое она якобы изучала на своем ноутбуке, Энди подняла аквамариново-зеленые глаза, скрытые за стеклами очков с линзами с переменным фокусным расстоянием. В ее взгляде читалось сдержанное нетерпение, пока она не увидела, кто к ней обратился. Барри Бриттен, один из ее старых друзей, который уже больше года был ее коллегой. Она очень хорошо относилась к нему. Он был честным, забавным, при необходимости откровенным и осмотрительно благоразумным. Кроме того, он был лучшим отцом на свете для своих прелестных годовалых близнецов.

– Поскольку это ты, пусть будет две минутки, – ответила Энди, убрав ноги со стула и отодвинув ноутбук в сторону.

Хотя Энди была женщиной, которая редко притягивала взгляд, но, присмотревшись к ней повнимательнее, от нее уже трудно было отвести глаза, несмотря на ее усилия проходить по миру незамеченной. Каждое утро она собирала свои длинные черные волосы в небрежный хвост, перехваченный простой резинкой, вместо контактных линз надевала очки в толстой оправе и, к возмущению своей юной дочери, почти никогда не пользовалась косметикой. Ее манера одеваться – по крайней мере, для работы – в обычную белую рубашку и свободные черные брюки никому не позволяла любоваться ее стройными ногами и не вызывала искушения тайком заглянуть в привлекательный вырез. Дело не в том, что она не ценила мужское внимание; в нужном месте и в нужное время оно было желанным. Просто у нее не было времени для тех, кто считал внешность более привлекательной, чем внутреннее содержание.

– Я только что из Райской бухты, – сказал Барри, опустившись на легкий стул, который она для него освободила. В его обычно веселых карих глазах мелькала озабоченность, а веснушчатые щеки казались немного бледными. Как ни странно, они были единственными посетителями «Ералаша», то есть старой столовой, где сейчас остались лишь микроволновка, плитка с двумя конфорками, раковина, холодильник и капризная кофеварка.

– И что? – осведомилась Энди, глядя на часы. Мысль о бумагах, ожидавших ее на столе наверху, и о том, что все они требовали ее внимания, заставила ее внутренне застонать.

– Там пропала девушка, – ответил Барри, встретившись с ней взглядом. – Приемная дочь управляющей кемпингом. Ей четырнадцать лет.

Ощувив моментальный прилив темной энергии, заставивший ее затаить дыхание, Энди ждала продолжения.

– Я хотел рассказать тебе до того, как начнется шумиха, – сказал Барри. – Впрочем, этого не произойдет, если девушка окажется живой и здоровой.

Энди кивнула и жестом попросила его продолжать.

– Ее зовут Софи Монро, – пояснил он. – Судя по всему, она просто сбежала из дома. Вместе с ней исчезли компьютер, мобильный телефон, кое-какая одежда и туалетные принадлежности.

Поскольку побег из дома с целью наказать родителей или освободиться от их влияния не был чем-то неслыханным для девушек этого возраста, Энди держала личные чувства при себе, когда спросила:

– Она не ладит с родителями?

– По словам ее приемной матери, в последнее время их отношения были довольно напряженными.

Приемная мать. Эта грустная истина всегда включала внутренний сигнал тревоги, несмотря на то, что приемные родители часто бывают самыми лучшими.

– Как насчет отца? – спросила она. – Он там?

– Да. Он во всем винит себя и говорит, что должен был обращать больше внимания на то, какой несчастной она выглядела последнее время.

Да, наверное.

– Что ты думаешь о нем?

Барри пожал плечами.

– Да вроде нормальный мужик, очень обеспокоен... Они оба встревожены.

Если отец ведет себя должным образом, то она сможет уделить ему столько времени, сколько понадобится. У Энди всегда находилось время для заботливых отцов. Отец ее собственных детей прекрасно заботился о них, хотя и не о ней, но теперь это осталось позади, и жизнь продолжалась.

– Давно она пропала?

– Они думают, что около недели назад, – ответил Барри, явно ожидавший этого вопроса.

Энди приподняла брови.

– Выходит, они не так уж сильно беспокоились, – сухо заметила она.

– Судя по всему, приемная мать решила, что она уехала с отцом; он водитель-дальнобойщик и находился в отъезде большую часть прошлой недели. А он думал, что она осталась дома.

– Разве они не разговаривали друг с другом? За целую неделю было нетрудно понять, что девочки нет ни с кем из них.

– Да, но, когда это выяснилось, они решили, что она прячется дома у подруги, желая проучить их, поэтому приемная мать и попыталась найти ее. Потом отец получил на телефон два сообщения от дочери, и она советовала прекратить поиски.

Энди прищурилась.

– Когда это случилось?

– Первое сообщение он получил в прошлую среду, сразу же после того, как приемная мать пришла домой к ее лучшей подруге и стала выяснять обстоятельства. Разумно

предположить, что этот визит стал причиной сообщения, хотя подруга клянется, что не знает, где находится Софи.

Не удивительно.

– Второе сообщение пришло на следующий день, – продолжал Барри. – Девочка написала, что проводит время с друзьями, которых он не знает, и посоветовала прекратить поиски, потому что он никогда не найдет ее.

Представив картину событий, Энди спросила:

– Что же заставило их обратиться в полицию сейчас, а не сразу же после второго сообщения?

– Кажется, они продолжали звонить ей и посылать эсэмэс, надеясь, что в конце концов она уступит и скажет им, где находится. Но этого не произошло. Отец приехал домой вчера вечером, ожидая, что она вернется, как только узнает о его приезде. Но ее по-прежнему нет, и новых сообщений тоже.

Энди на секунду задумалась.

– Они знают точно, когда она пропала? – спросила она.

– Они не могут точно установить время, но думают, что это произошло в воскресенье вечером.

Энди снова посмотрела на часы. Пора было возвращаться к работе, и, словно напоминая об этом, ее босс Теренс Голд – «золотой Терри», как большинство ее коллег называли его, – просунул голову в дверь. Он был импозантным мужчиной со строгим взглядом, который как будто пронизывал человека насквозь, опрокидывая его защитные барьеры, и властным голосом, обладающим достаточной жесткостью, совсем как физический укус. Хотя его понизили в должности до того, как Энди устроилась на работу, она знала об этом, как и все остальные, и никто не считал понижение заслуженным.

– Я получу новые сведения о расследовании по тем кражам? – спросил он, упершись жестким взглядом в Энди.

– Я над этим работаю, – заверила она.

– Тогда в три часа, в моем кабинете.

– А знаешь, ведь он неровно к тебе дышит, – пробормотал Барри после его ухода.

Сделав вид, будто она не слышала, Энди спросила:

– Значит, твою девочку зовут Софи?

Он кивнул.

– Полагаю, в категории насильственных правонарушений это дело получит не более чем среднюю степень риска.

– Верно. Никаких признаков грязной игры или истории семейного насилия, хотя это еще нужно будет проверить.

– Она когда-нибудь убегала раньше?

– Очевидно, не больше чем на несколько часов.

– Что подсказывает тебе интуиция о ее родителях?

Он медленно вдохнул.

– Они кажутся совершенно нормальными, но мне все равно тревожно. Неделя – это долгий срок, и если дело затянется...

– В таком случае оно будет переклассифицировано на высокую степень риска, и тебе понадобится поддержка. Насколько я понимаю, сейчас ты ходишь от двери к двери и спрашиваешь всех, кто живет по соседству?

– Ясное дело, – он кивнул. – Мне пора возвращаться к работе.

– Я поеду с тобой. – Энди взяла свою сумочку. Барри в замешательстве посмотрел на нее. Зная о его мыслях, она добавила: – И не возражай.

– Но, Энди, с твоим послужным списком...

– Предоставь мне беспокоиться об этом. Все, что от тебя требуется, – еще раз ввести меня в курс дела, пока мы будем идти к автомобилю.

Через двадцать минут Энди сидела за рулем своего «Форд Фокуса», следуя за патрульной машиной Барри через жилой район Уэйверли и направляясь к фургонам кемпинга, сгрудившимся на побережье, словно бестолковая толпа. Как часто случалось, когда движение было медленным, она обозревала окрестности и думала о том, как мир похож на библиотеку. В каждом доме, офисе, магазине, фургоне и автомобиле была дверь, а за этой дверью, во многом так же, как за книжной обложкой, находилась история или даже собрание разных историй. Они могли быть горестными или радостными, неприличными, позорными, шокирующими и просто страшными. Там были загадочные истории, короткие и длинные, невероятные и запутанные, глупые, ужасающие, душераздирающие, а иногда откровенно трагичные.

Как правило – чаще, чем ей бы хотелось, – ей приходилось иметь дело с последними упомянутыми категориями.

Опустив солнцезащитный козырек, когда они повернули на Вермерс-роуд, где возвышались корпуса супермаркетов «Кестерли-он-Си», Энди проигнорировала тот факт, что должна заниматься расследованием серии местных краж, и мысленно вернулась к Софи Монро. Она начала рисовать в воображении радостную картину финала этой картины в истории Софи. Где бы она ни скрывалась, скоро ей будет одиноко; она проголодается, замерзнет, испугается и свяжется с родителями. Они заберут ее оттуда, где она находится, и все ее простят... а если и нет, то по меньшей мере все разбирательства отложатся хоть на какое-то время. Таким был итог, с которым Энди и ее коллеги чаще всего сталкивались, когда речь шла о подростках, убежавших из дома, хотя у Энди был личный и очень болезненный опыт в отношении того, что не все семьи оказываются такими везучими после исчезновения ребенка.

Ее семья определенно не принадлежала к их числу.

Бухта Перримэна, известная здесь как Райская бухта, или просто Бухта, была той частью Кестерли, которую она не посещала с детства, и, судя по окрестным видам по мере их приближения, здесь не произошло больших изменений. В округе появилось еще несколько десятков домов, чаще всего облепленных спутниковыми тарелками, словно причудливой грибницей, или вывесками с надписями вроде «завтрак и ночлег», «дешевый пансион» или «семейный отель с видом на море».

Вид на море, отсюда? Смех, да и только! Это было бы правдой, если вы окажетесь чайкой или пилотом, либо вам придется настроить поиск через Google Earth, но в здешних местах можно считать, что вам повезло, если вы увидите море от пляжа, не говоря уже о целой миле, отделяющей его от побережья.

Свернув направо на кольцевой развязке в Гиддингсе, она держалась за Барри, пока они медленно двигались в потоке машин через заросли кустарников и мелкие рощицы мимо Фишерменс-Армс и Альбертова оврага и наконец погрузились в блестящий, мерцающий, бурлящий хаос прибрежного курорта.

«Ответ Кестерли Лас-Вегасу», – подумала Энди.

Она улыбнулась про себя, охваченная волной ностальгии, которая унесла ее прямо в детство. Хотя она не часто приходила сюда – возможно, четыре или пять раз – и никогда не останавливалась ни в одном из трейлерных парков или кемпингов, неожиданное возвращение к пьянящим летним дням потрясло ее до глубины души. Внезапно с легкостью пришли воспоминания о том, как она, ее сестра Пенни и двоюродный брат Фрэнк тайком выбирались из дедовского дома на мысу и во всю мочь мчали на велосипедах к травянистым дюнам Райской бухты, где бросали велосипеды, ни секунды не задумываясь о возможной краже (такого никогда не случалось). Однажды они были настолько охвачены радостным волнением, что никак не могли решить, куда пойти сначала: в парк развлечений, чтобы покататься на карусели «Осьминог», пострелять уток в тире или пошалить на электрокарах, либо же остаться на пляже и прокатиться взад-вперед на осликах по имени Фред, Флосс или Фрэнк, которые казались им невероятно забавными. Ослик, которого называли в честь Фрэнка! Но самой большой радостью был поиск новых друзей в парке аттракционов, куда приезжали родители со всей страны. Как они завидовали детям, которые могли провести целых две недели на кемпинге в *трейлерных фургонах*!

Когда Энди проехала первый поворот и миновала старую лачугу под названием «Сочные пряные ребрышки», по соседству с которой располагались поле для мини-гольфа и многолюдное кафе, ее воспоминания стали настолько яркими, что она практически ощущала вкус сахарной ваты и глазированных яблок из былых времен и даже услышала болтовню Панча и Джуди. Она определенно чувствовала запах жареной рыбы с картошкой и слышала переливы музыки, дополненные криками, звоном колокольчиков, гудками и смехом. С открытой дверью воспоминаний все это казалось таким же волнующим, как и двадцать пять лет назад.

Как она могла прожить в Кестерли больше года и ни разу не приехать сюда? Энди знала, что ее дети сюда навещаются – возможно, чаще, чем рассказывают ей, – но, хотя сама она почти ежедневно проезжала мимо этого места, обычно через кольцевую дорогу по пути к скандально известному жилкому району Темпл-Филдз или к автостраде, если цель поездки находилась далеко за городом, как ни странно, до сих пор у нее не было повода заехать сюда.

«Правда, было бы здорово все время жить здесь?» – спрашивал Фрэнк во время их детских вылазок, когда они помогали своим новым друзьям тащить огромные ведра с водой для мытья или готовки к жилым фургонам. Если шел дождь, они играли в снап^[1], «пиковую даму» или в «ложечки», разлегшись на уютных диванах в каком-нибудь летнем домике, или же шли посмотреть на фокусника, глотателя огня или клоуна с забавными собачками в один из развлекательных центров. (Как выяснилось, бабушка с дедушкой всегда знали, где они находятся; поскольку тогда мир был совсем другим, они доверяли владельцам ларьков и палаток, работникам парков и разным другим взрослым, которые присматривали за юными искателями приключений.)

Было трудно представить, что в наши дни маленьким детям могут предоставить такую свободу. В сущности, Энди и не пыталась это сделать, принимая во внимание количество хищников, рыскавших вокруг. Впрочем, насколько ей было известно, в Райской бухте еще ни разу не происходило никаких серьезных происшествий, связанных с детьми.

Это вернуло ее к мыслям о Софи Монро и ее загадочных друзьях, о которых она упомянула в телефонном сообщении.

Проехав под тремя растяжками с рекламой вечернего шоу Эли Морроу «Сорвиголова»

и мимо огромного голубого слона, который приглашал всех желающих наесться до отвала за пять фунтов, она последовала за Барри к удаленному въезду в парк отдыха и развлечений «Голубой океан». Если бы ей сказали, что раньше он назывался «Золотой пляж», то она бы точно знала, где находится это место.

Пока они проезжали под защитным барьером, который как будто никогда не опускали, она обратила внимание на новые дома на колесах, которые выглядели более внушительно, чем прежние. У входа стояло довольно привлекательное бунгало из красного кирпича, которое, как она знала от Барри, принадлежало управляющей кемпингом Хейди Монро и членам ее семьи.

Она свернула на стоянку перед домом, а Барри и Саймон Лир, который поехал вместе с ними, отправились дальше к служебным помещениям и развлекательному комплексу. Энди выключила двигатель и уже собралась взять сумочку, когда зазвонил мобильный телефон. Увидев, что звонок от матери, она решила ответить.

– Привет, все в порядке? – спросила она.

– У меня все замечательно, – заверила мать. – Просто хочу знать, во сколько ты приедешь сегодня вечером.

– Трудно сказать. А что, у нас что-то намечается?

Хотя Энди старалась не забывать о том, как ее мать любит принимать гостей, она довольно часто подводила ее из-за срочной работы.

– Нет, но Мелвиллы пригласили меня на вечерний коктейль, и я подумала, что тебе, возможно, захочется пойти со мной.

– В качестве твоего ухажера?

Смех матери почти всегда вызывал у Энди невольную улыбку. Какой замечательной, красивой и мужественной женщиной была Морин Лоуренс! Почему жизнь столь жестоко обошлась с таким добрым человеком?

– Как насчет моей «важной половинки»? – поинтересовалась Морин, недавно узнавшая это выражение от своих внуков и немало позабавившаяся на этот счет.

– Когда ты к ним собираешься? – спросила Энди, по-прежнему улыбаясь.

– Ты можешь просто зайти туда ненадолго сама, – заверила Морин. – Они будут рады тебя видеть.

Энди любила Мелвиллов, друживших с ее дедушкой и бабушкой, поэтому с удовольствием зашла бы к ним сегодня вечером. Но все же она спросила мать:

– А чем занимаются дети?

С тех пор, как Люку исполнилось семнадцать лет, а Алайне пятнадцать, они выдвигали серьезные претензии на независимость, поэтому часто приходилось узнавать, где они были или что делали, уже после события, а не до этого.

– Алайна здесь, – ответила мама. – А Люк отправился в Кестерли со своими друзьями. Ох, мне надо идти: кто-то стоит у двери. Позвони мне, когда поедешь домой. И еще, Алайна попросила купить ей лифчик без бретелек в «Маркс энд Спенсер»; он ей нужен для завтрашнего вечера.

Добавив обычное «целую», она положила трубку.

Обменявшись эсэмэс с Алайной, подтвердившей свой размер белья, Энди положила телефон обратно в сумочку и, прежде чем выйти из автомобиля, проверила, включена ли ее рация. Она не успела распахнуть дверь, когда мобильный телефон зазвонил снова. На этот раз позвонил Грэм, торговец антиквариатом, с которым она недавно начала встречаться.

Сняв трубку, она ощутила волну приятного тепла.

– Привет, как поживаешь? – спросила она.

– Если в двух словах, то – спасибо, замечательно, – с юмором, который импонировал ей с самого начала, ответил он. – Ваш верзилка спешит вернуться обратно.

– Но я думала, тебе понравилось в Италии.

– Так и есть, и я по-прежнему надеюсь, что в следующий раз ты приедешь сюда со мной.

Но поскольку сейчас тебя нет рядом, мне не терпится вернуться домой в Кестерли.

Хотя Энди была рада слышать это, она не могла отделаться от мысли, что их отношения развиваются слишком быстро. Но почему она так думает, если они встречались всего лишь шесть раз и не продвинулись дальше романтического поцелуя вечером перед его отъездом? Она не могла отрицать, ей понравилось целоваться с ним. Так или иначе, она имела право на маленькие радости жизни после всех страданий, которые ей пришлось вынести.

– Ты собираешься вернуться завтра? – спросила она.

– Боюсь, что нет, – простонал он. – Поэтому я и звоню. Мне придется задержаться на один день, но если ты будешь свободна в среду вечером, я с радостью приготовлю что-нибудь для тебя.

Эта идея понравилась Энди.

– У тебя дома?

– Если только ты не собираешься куда-нибудь еще.

– Я принесу вино, – с улыбкой пообещала она.

– Принеси саму себя.

И сумку с ночными вещами? Разумеется, она не стала задавать этот вопрос, но ей было интересно, что бы он ответил. Более того, как бы она поступила, если бы ответ был положительным? Конечно, она возьмет вещи и скажет своей матери и детям, что собирается... ей не приходило в голову, что нужно будет сказать, но она что-нибудь придумает.

– Мне нужно идти, – сказала она Грэму. – Позвони, когда твой самолет приземлится.

Выключив мобильный телефон, она вышла из автомобиля и немного помедлила, чтобы оценить обстановку. Хотя в бунгало не ощущалось никаких признаков жизни, вокруг прогуливались толпы отдыхающих. Они заходили в кемпинг или выходили оттуда, жевали мороженое или яблочные тянучки, а магазин, расположенный лишь в сотне ярдов от кемпинга, был похож на огромный торт с начинкой из людей и всевозможных товаров. Желтые пляжные мячи, ведерки, лопаты, надувные плоты с флуоресцирующим покрытием, доски для серфинга, гидрокостюмы, пляжные тапочки, маски и трубки для подводного плавания (*подводное плавание в Кестерли?*) – все, что только может пожелать уважающий себя турист, плюс оглушительная музыка в стиле диско.

А на другой стороне находился пульсирующий, кружащийся, психоделический монстр парка аттракционов.

– Владельцы этого места сейчас находятся в Испании, – немного раньше сказал ей Барри. – Но Монро дали им знать о случившемся, и они готовы оказать любую необходимую помощь.

Вот и хорошо. Энди всегда нравились люди, проявлявшие готовность к сотрудничеству, хотя в случае с Джимми и Джекки Пойнтер это случилось впервые. Сама она не имела дел с этой парой, в отличие от некоторых ее коллег, поэтому Энди могла быть уверена, что Пойнтеры не числятся в списке подозрительных лиц.

– Миссис Монро? Хейди? – она улыбнулась, когда женщина с пышной копной темных волос и страдальческим выражением лица, искажавшим красивые афро-карибские черты, отворила дверь. Предположительно ей было около тридцати, хотя фиолетовые тени под глазами старили ее и выдавали усталость.

Женщина кивнула и промямлила:

– Я, э-ээ... – Она всхлипнула и прижала к губам влажную салфетку. – Лучше бы вы зашли в офис рядом с магазином...

– Я сержант сыскной полиции Андреа Лоуренс, – объяснила Энди, показав свой значок и ощущая напряжение, угнетающее эту женщину, – разумеется, если оно было подлинным, а у Энди не было причин думать иначе, поскольку ее прихода явно не ждали.

Хейди Монро хмурилась, как будто не вполне понимала, что происходит.

– Я не... они не сказали, что придет кто-то еще.

– Можно мне войти? – с улыбкой спросила Энди.

На какое-то мгновение Хейди растерялась, а потом изнутри донесся мужской голос:

– Кто там?

Отступив назад, Хейди шире приоткрыла дверь для Энди.

– Боюсь, мы не в лучшем состоянии... – начала она, но не закончила фразу, проходя по тускло освещенному коридору с дверями по обеим сторонам в светлую кухню-гостиную с открытой планировкой в задней части дома. Комната была уютно меблирована, с мягкими диванами и толстым ворсистым ковром на полу, и выходила в маленький сад. На заднем плане маячило высокое здание, облицованное каменной крошкой, закрывавшее весь остальной вид. В комнате пахло апельсинами и использованными подгузниками.

– Это снова из полиции, – объявила Хейди.

Коренастый лысеющий мужчина с татуировкой на левой руке, смотрящий куда-то в пустоту, повернулся к Энди. Страдание в его глазах было ощутимо почти физически, а плотно сжатые побелевшие губы выдавали внутреннюю борьбу. *Виноват ли он в том, что его дочь убежала из дома? Что он должен сделать, чтобы найти ее?*

В комнате младенца Арчи, о котором упомянул Барри, не было заметно, хотя запах, куча игрушек, разбросанных по ковру, и крошечные распашонки, развешанные на бельевой веревке снаружи, самым очевидным образом указывали на его присутствие в доме.

Энди шагнула вперед и представилась.

– Должно быть, вы – Гэвин, – произнесла она, пожимая его руку. Его рукопожатие было достаточно крепким, но на его лице почти не осталось красок, и Энди ощущала гнетущее беспокойство, исходившее от мужчины.

– Насколько я понимаю, у вас не было никаких новостей от Софи с тех пор, как мой коллега приходил сюда? – спросила она.

Гэвин сглотнул и покачал головой.

– Я постоянно слежу за телефоном и посылаю ей сообщения, но она по-прежнему не отвечает, – сказал он, покосившись на свою жену.

– Это на нее не похоже, – вставила Хейди. – Я хочу сказать, иногда так бывает, когда она расстроена или сердится на нас, но только не так долго.

– Как насчет остальных членов вашей семьи? – спросила Энди. – Ведь вы пытались связаться с ними?

– На самом деле у нас никого нет – во всяком случае, никого, к кому она могла бы обратиться, – немного смущенно ответила Хейди. – Гэвин единственный ребенок, его

родители умерли, а мои родители... в общем, они не имеют никаких дел с нами, и у меня нет братьев и сестер.

Размышляя о том, не был ли неравный брак причиной отчуждения родителей Хейди, Энди подошла к столу, и Хейди поспешила пододвинуть ей стул с высокой спинкой. Когда все расселись вокруг стола, Энди достала записную книжку и заявила:

– Надеюсь, вы извините меня, если я повторю некоторые вопросы, которые вам уже задавали. Мы лишь хотим все прояснить.

– Разумеется, – хором ответили супруги.

– Все что угодно, если это поможет нам найти ее, – хрипло добавил Гэвин.

Энди, видевшая школьную фотографию, которую принес Барри, с изображением блондинки Софи с большими глазами, немного походившую на молодую Скарлетт Йоханссон, попыталась найти черты ее сходства с отцом. Ей это не удавалось, хотя, возможно, в жизни Софи была не слишком похожа на свою фотографию, поскольку большинство девушек этого возраста совершенно преображаются, когда снимают школьную форму.

– Разрешите начать с вопроса о матери Софи, – сказала она. – Есть ли...

– Ее мать умерла четыре года назад, – быстро произнес Гэвин.

Энди с интересом посмотрела на него. Насколько она понимала, это имело такое же важное значение, как внешность Софи или одежда, которая была на ней надета, когда ее видели в последний раз, поскольку утрата одного из родителей в раннем возрасте часто оказывает глубокое влияние на поведение ребенка.

– Есть ли другие члены семьи с материнской стороны? – поинтересовалась она.

Гэвин покачал головой.

– У Джилли был брат, но он погиб в той же катастрофе, которая унесла жизнь ее родителей. Это случилось еще до того, как мы познакомились, так что я не знал их.

– Думаю, Софи по-прежнему тоскует по маме, – грустно заметила Хейди. – То есть я знаю об этом.

Как она могла не знать? Девочка в десять лет лишилась матери, и если она вовремя не получила необходимой психологической поддержки, то как она пережила это событие? Что на самом деле она осознала и приняла?

Или все-таки она получила психологическую поддержку?

Решив, что эту часть прошлого Софи можно исследовать позднее, если возникнет такая необходимость, Энди сменила курс:

– Хорошо, тогда давайте начнем с того, когда вы последний раз видели ее. Как это было и что произошло?

Хейди сжимала и разжимала кулаки на столе.

– Она была с нами вечером в прошлую субботу. Около семи часов мы попили чаю, а потом Гэвину понадобилось выйти по делам. – Она судорожно вздохнула. – Как только он ушел, Софи заявила, что тоже собирается погулять. Я сказала, что она не сможет уйти, пока не наведет порядок на столе, и у нас случилась из-за этого глупая ссора. Она считала, что я постоянно к ней цепляюсь... – Она взглянула на Гэвина. – Это обычное дело – ты знаешь, как иногда бывает, когда мы просим ее помочь по дому.

– Не думаю, что она хочет быть такой неуживчивой, – обратился Гэвин к Энди. – Это лишь этап, через который она проходит. – Уголки его губ приподнялись в подобии улыбки. – В этом возрасте все одинаковы, не так ли? Думают, будто они уже взрослые. Им ничего

нельзя объяснить. – Его голос пресекся, когда внутренняя борьба снова одержала над ним верх.

– Вы часто ссоритесь? – спросила Энди у Хейди.

Хейди откинула волосы со лба и покачала головой.

– Раньше мы никогда не ссорились, но в последнее время...

Хотя она не стала вдаваться в подробности, Энди понимающе кивнула.

– Что произошло после ссоры?

Хейди пожала плечами.

– Она убежала в свою комнату, как всегда делает в таких случаях. Прежде чем хлопнуть дверью, она сказала... она сказала: «Спасибо, я поняла, что ты хочешь, чтобы я покончила с собой!» – Хейди прикрыла глаза, словно воспоминание о тех словах пронзило ее болью. – Тогда я не обратила на это внимания, – горестно заключила она.

– Софи не собиралась делать ничего подобного, – быстро вставил Гэвин, явно пытавшийся подбодрить себя и жену. – Она всегда говорит подобные вещи. Просто после ее исчезновения...

Энди, хорошо знавшая о том, что самоубийство было одной из любимых угроз раздосадованных подростков, все же спросила:

– Она когда-либо пыталась покончить с собой?

Лицо Гэвина посерело, и он покачал головой.

– Может быть, она когда-то всерьез говорила, что подумывает о самоубийстве?

Он снова покачал головой.

– Хорошо. Значит, она ушла в свою комнату...

– ...А потом, должно быть, выбралась наружу, – продолжила Хейди. – Мы не слышали, как она ушла, но когда я заглянула попозже и увидела, что ее нет дома, то решила, что она отправилась в развлекательный комплекс или, возможно, к своей подруге Эстелле Моррис.

– Вы позвонили Эстелле?

– Не в тот вечер, но я позвонила после того, как Софи не вернулась домой на следующий день. Эстелла сказала, что не встречалась с ней. Я не знала, стоит ли ей верить или нет, поэтому попыталась позвонить Гэвину. Когда мне не удалось с ним связаться, я отправила ему сообщение на телефон, чтобы он перезвонил. В эсэмэс я ничего не сказала о Софи, потому что не хотела его беспокоить. Я продолжала внушать себе, что она с ним, что она подождала, пока он выйдет из дома, и побежала за отцом. Разумеется, он дал бы мне знать, если бы это случилось, но... В общем, я успокаивала себя до тех пор... до тех пор, пока мы наконец не поговорили.

– Когда это было?

– Во вторник. Сначала мы говорили о малыше... Я все ждала, когда он скажет, что Софи находится рядом с ним, но потом Гэвин спросил, как у нее дела, успокоилась ли она. – Хейди посмотрела на мужа и тихо всхлипнула. – Только тогда мы поняли, что никто из нас не знает, где она теперь, поэтому я сразу же позвонила Эстелле. Она снова поклялась, что не видела Софи и не получала от нее никаких известий. Я по-прежнему не знала, говорит ли она правду. Мне хотелось верить, что она лжет; по крайней мере, это означало, что Софи ничего не угрожает. Потом Гэвин получил сообщение от Софи, где она советовала не искать ее.

– Я могу посмотреть? – обратилась Энди к Гэвину.

Он раскрыл свой телефон, нашел сообщение и протянул ей.

Папа, пожалуйста, не ищи меня. Это просто глупо. Я вернусь, когда буду готова, но не раньше.

– Значит, вы прекратили поиски? – спросила Энди, оторвавшись от чтения.

Хейди покачала головой.

– Нет, если не считать... Я хочу сказать, проблема в том, что я не знала, где еще нужно ее искать. Разумеется, я расспрашивала людей по всему кемпингу, видели ли они девочку, но старалась не поднимать шумиху. Я боялась, что если Софи узнает об этом, то раздумает возвращаться домой.

– Кто-нибудь видел ее?

– Нет, после прошлого воскресенья – нет. Потом Гэвин получил другое сообщение... – она кивком указала на телефон.

Раскрыв сообщение, Энди прочитала:

Я знаю, что на самом деле ты не беспокоишься, но на всякий случай могу сказать, что остановилась у друзей, которых ты не знаешь. Они отличные ребята и собираются помочь мне получить работу, чтобы я могла жить самостоятельно.

Энди задумчиво прищурилась.

– Вы верите этому? – спросила она.

– Мы уже не знаем, чему верить, – сказала Хейди. – Вам стоит лишь посмотреть, где мы живем, и вы поймете, как много вокруг людей, с которыми она может общаться. Она постоянно знакомится с новыми людьми.

– Вы в последнее время замечали, что она особенно интересуется кем-то или наоборот?

– Нет, ничего особенного не замечали. Она общается с ребятами из молодежной тусовки, но большую часть времени проводит с Эстеллой.

– Как насчет родителей Эстеллы? Вы говорили с кем-то из них, где может находиться Софи?

– Да, с ее матерью, и Софи определенно там нет. Конечно, это не означает, что Эстелла была откровенна со мной, но...

– С подростками всегда такое происходит, – хрипло перебил Гэвин. – Они сочиняют друг для друга истории или выдумывают алиби, не понимая, сколько беспокойства они причиняют и в какой опасности они сами могут оказаться.

Энди не могла этого отрицать.

– Полагаете, Софи может угрожать опасность? – осторожно спросила она.

Он вздрогнул.

– Я не хочу думать об этом, но трудно заставить себя остановиться, когда не знаешь, где она находится.

Энди на собственном опыте знала, что это почти невозможно.

– Так где вы были на прошлой неделе? – обратилась она к Гэвину.

– На работе, – ответил он уныло. – Я регулярно вожу грузы для транспортной компании «Поллардс», у них штаб-квартира во Фримси. В прошлый понедельник я должен был отвезти большой груз в Тулузу, но решил доехать до Портсмута вечером в воскресенье и поспать в кабине, чтобы успеть на паром ранним утром.

– Вы видели Софи перед отъездом? Я имею в виду, после ссоры.

Он расстроено покачал головой.

– Я постучал в ее дверь и крикнул, что уезжаю, но она не вышла и не выключила музыку, поэтому я понял, что она по-прежнему дуется на меня. Я знаю, какой она бывает, когда на

нее находит такое настроение; она ни с кем не разговаривает. Нужно дать ей время остыть и подумать, поэтому я попросил ее позвонить мне, когда она будет готова, а потом ушел.

– Значит, вы не знаете, находилась ли она в комнате в тот момент?

– Музыка громко играла, поэтому я решил, что она у себя, но допускаю, что ее уже не было. Она думает, мы не знаем, что иногда она выбирается из окна и отправляется в развлекательный центр или в парк аттракционов. Сейчас летние каникулы, поэтому мы не так строго следим, чтобы она возвращалась домой вовремя.

Энди кивнула.

– Значит, последнее сообщение пришло от нее в прошлый вторник? С тех пор ничего?

Лицо Гэвина еще больше посерело, и он снова покачал головой.

– Как я уже говорил, мы пытались связаться с ней, но она либо игнорирует наши сообщения, либо... – Он перевел дух. – Не знаю, почему она это делает. Раньше она никогда так долго не сердилась на нас.

Энди посмотрела на его руки, лежавшие на столе. Они были покрыты пятнами от машинного масла, сильные и трогательно беспомощные.

– Та последняя работа, – обратилась она к нему. – Вы оказались во Франции, верно?

– Да. Я перевозил запчасти для самолетов в Тулузу.

Энди, зная о тесном сотрудничестве между разными производителями из юго-западной Англии и главным заводом «Эйрбас» в Южной Гаронне, сказала:

– Вы вернулись домой вчера вечером. Это нормально, что поездка занимает так много времени?

– Это почти нормально для такой доставки. Существует масса ограничений по времени, которое мы можем проводить за рулем, и по скорости движения... Правда, как офицер полиции вы сами знаете об этом. Все записано в моем бортовом журнале, который хранится в офисе компании.

Энди выпрямилась на стуле.

– Хорошо. Значит, она взяла свой компьютер, кое-какую одежду и туалетные принадлежности. У нее были при себе какие-то деньги?

Когда Хейди начала отвечать, из коридора донесся долгий крик, который мгновенно привлек ее внимание.

– У нее могло что-то остаться от ее заработков, – ответила она и встала из-за стола. – Она иногда работает в кемпинге, занимается уборкой или разносит блюда в кафе или мясном ресторане. Извините, мне нужно идти к малышу.

– Разумеется.

Когда дверь закрылась, Гэвин тихо сказал:

– Я не хотел говорить об этом в ее присутствии, но до отъезда в кармане моего выходного костюма лежало пятьдесят фунтов.

Не услышав продолжения, Энди спросила:

– Теперь их там нет?

Он кивнул.

– Почему вы не хотите, чтобы ваша жена знала об этом?

Он пожал плечами.

– Полагаю, мне следовало бы сказать ей. Просто это... Не знаю, наверное, никто из нас не мог тогда ясно размышлять. Я не в состоянии отделаться от мысли, что она ушла и больше не вернется. Вы же слышали о том, как некоторые дети пропадают бесследно...

У Энди болезненно сжалось сердце. Да, она хорошо знала об этом.

– Не думаю, что мы сможем вынести это, – продолжал он. – Она для меня всё, она моя принцесса, моя драгоценная девочка... Я не говорю, что у нее нет недостатков, – покажите мне ребенка, у которого их нет, – и я готов признать, что в последнее время бывали моменты, когда мне хотелось придушить ее...

Его глаза тревожно распахнулись, когда он осознал смысл сказанного. Удерживая его взгляд, Энди тихо, почти ласково спросила:

– Вы когда-нибудь наказывали ее физически, Гэвин?

Тот яростно затряс головой.

– Нет, никогда! – искренне воскликнул он. – Знаете, это я просто так выразился... ну, знаете, бывает иногда, что вам хочется кого-нибудь съесть, хотя на самом деле вы просто голодны.

– Все в порядке, я понимаю. Дети могут доводить до бешенства, особенно подростки.

– Клянусь, не понимаю, что с ними происходит, – сказал Гэвин, явно приободренный ее ответом. – В одну минуту она танцует и поет как ангел, только худые ножки и нос в веснушках, а в следующую минуту расхаживает с важным видом и флиртует... – его голос дрогнул от отчаяния, – ...и заигрывает со старшими парнями, как будто знает, что это такое на самом деле.

Решив начать с самого простого, Энди спросила:

– Фотография, которую вы дали моему коллеге сегодня утром, – на ней девочка похожа на себя? То есть она выглядит так же, как теперь?

Гэвин покачал головой.

– Только не сейчас. У нее каникулы, и она отправилась в парикмахерскую и покрасила свои чудесные светлые волосы фиолетовыми прядями. Она думает, что так выглядит более опытной, или модной, или что-то в этом роде. Но когда она надевает мини-юбку и топик, максимально выставивший все напоказ... Знаю, мне не следует так говорить о собственной дочери, но в результате она выглядит... ну вы понимаете, что я имею в виду. А ведь на самом деле она совсем не такая. Это просто маска, которую она носит, когда старается выглядеть более взрослой. Я постоянно говорю ей, что это создает неправильное впечатление.

Энди, зная цену таким словам отца, спросила:

– У вас есть ее фотографии, где она накрашена? Или, может быть, видеозаписи?

Он горестно качал головой.

– Не знаю. Наверное, что-то можно найти в ее комнате. Пойду посмотрю?

Догадываясь, что если нечто подобное и существует, то оно почти наверняка находится в телефоне Софи, Энди остановила его:

– Минуточку. Прежде всего мне хотелось бы кое-что узнать о деньгах. У нее есть счет в банке?

Гэвин кивнул.

– Правда, я не думаю, что там что-то осталось: у нее вечно нет денег.

– Она пользуется кредитной карточкой?

– Нет. Я сказал, что она еще слишком молода для этого, – во всяком случае, пока сама не начнет зарабатывать себе на жизнь, никаких кредитных карточек.

– А ее паспорт? Вы проверили, взяла ли она его с собой?

Когда Гэвин посмотрел на нее, в его глазах промелькнуло отчаяние. Судя по всему, он даже не рассматривал возможность того, что его дочь может оказаться за пределами

Британии.

– Хейди хранит документы в ящике комода, – ответил он и указал на него пальцем.

Понимая, что он боится узнать ответ, Энди сама решила открыть ящик, где обнаружила три паспорта и показала ему паспорт Софи. Если он и почувствовал какое-то облегчение, оно не было столь очевидным, поскольку Гэвин лишь потер ладонью лысеющую голову и постарался успокоить дыхание.

– Нам нужно поговорить о ее приятелях, – продолжала Энди, вернувшись к столу. – Как вы думаете, у нее есть парень, с которым она встречается?

Глядя на Энди, Гэвин покраснел, но скорее от замешательства, чем от чего-то другого.

– Не уверен, что она сказала бы мне, даже если бы у нее был ухажер. Наверное, вам лучше спросить у Хейди.

– Хорошо, но тогда почему бы вам не рассказать о ней как о человеке? Какие изменения в ней вы заметили за последнее время?

– Как я уже сказал, она вдруг захотела выглядеть совершенно взрослой, – уныло ответил он. – Полагаю, в ее возрасте это не удивительно, но ее поведение... В одну минуту она может быть доброй и дружелюбной, а в следующую минуту из нее так и прет враждебность. Она ведет себя так, что если вы нас не знали, то имели бы право подумать, что она выросла в другой семье. Она как будто не понимает, как ей повезло по сравнению с некоторыми сверстниками.

– Когда появилась эта враждебность?

Его взгляд уплыл куда-то в пустоту.

– Примерно девять месяцев назад, – тихо ответил он. – Мы все списывали на гормональную перестройку и тому подобные вещи; надеюсь, так и есть, но меня тревожит, что она стала особенно взбалмошной с тех пор, как появился Арчи, – он быстро взглянул на Энди. – Она его невзлюбила, – в его голосе обида смешивалась с удивлением, – это же ее брат! Но если мы просим ее что-то сделать для него, то со стороны может показаться, будто мы просим ее выдернуть собственные зубы.

– А до его рождения вы были близки друг с другом?

– Безусловно. Ну, мы с ней всегда были родными людьми, и она отлично ладила с Хейди, когда мы начали встречаться. Вообще-то до рождения Арчи... Хейди всегда хорошо относилась к ней, и если по справедливости, то Софи должна была бы нормально к нам относиться. Они с Хейди все время шушукались друг с другом и всюду ходили вместе, а когда Хейди получила работу управляющей... вы бы посмотрели на Софи! Она была вне себя от радости, и жизнь в кемпинге рядом с парком развлечений стала для нее одним сплошным Рождеством. Думаю, она по-прежнему любит это место, но уже не так интересуется фокусниками и аттракционами, а больше дискотеками, молодежными тусовками или эстрадными представлениями. – Он сокрушенно покачал головой. – Мне следовало бы больше слушать ее и постараться понять, что появление Арчи стало для нее такой большой травмой, что она не знала, как с этим справиться. – Его глаза увлажнились от слез, когда он снова посмотрел на Энди. – Я лишь надеюсь, что еще можно все исправить.

Взяв бумажную салфетку из коробки на столе, Энди протянула ее Гэвину и подождала, пока он высморкается. На первый взгляд это действительно выглядело как обычный побег из дома, но вопрос о том, где и с кем теперь находится Софи, по-прежнему требовал ответа.

– Скажите, Софи много говорила о своей матери? – спросила она, решив обратиться к более глубоким аспектам душевного состояния девушки.

На Гэвина было тяжело смотреть, когда он снова покачал головой.

– Нет, но я знаю, что она много думает о ней. Должен признать, я тоже часто вспоминаю ее. Она была чудесной женщиной, доброй и верной до глубины души.

Энди уже собралась продолжить свои расспросы, когда вошла Хейди с заплаканным и сопливым Арчи на руках. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы убедиться в том, кто был его отцом, – черты Гэвина придавали его младенческому лицу неестественную взрослость.

– Ему нужна бутылочка, – сказала Хейди, направляясь к холодильнику. Энди улыбнулась ребенку и получила в ответ мрачный взгляд.

– Мы только что говорили о парнях, – сказал Гэвин, обратившись к жене. – Я сказал, что ты об этом больше знаешь.

Хейди тяжело вздохнула и поставила детскую бутылочку нагреваться в кастрюлю с водой.

– Она больше не доверяет мне и не делится своими секретами, как раньше, – сокрушенно призналась она. – Но я... – Она смущенно покосилась на мужа. – Я не рассказывала тебе об этом, но несколько месяцев назад я нашла в ее спальне противозачаточные таблетки.

Гэвин закрыл глаза, словно больше не мог выносить этого разговора.

– Я попыталась поговорить с ней об этом, – продолжала Хейди, – но она сразу же начала кричать, что я тайком обшариваю ее комнату.

Энди не составляло труда представить себе эту сцену.

– Вам известно, взяла ли она с собой эти таблетки? – спросила она.

Хейди покачала головой и пожала плечами.

– Их там больше нет, так что, наверное, взяла.

– Вы не знаете, у нее был один парень или сразу несколько? – спросила Энди.

– Трудно сказать. Она много общается с ребятами в кемпинге, которые приезжают на каникулы, и с теми, кто работает в клубе или в офисе, но не думаю, что у нее есть кто-то особенный.

– Значит, вы не представляете, с кем она могла бы убежать?

Когда Гэвин поднял голову, Арчи начал тихо подвывать.

– Я уже иду, – утешила его Хейди и снова взяла младенца на руки.

– Почему она обязательно должна убежать *с кем-то еще*? – резко спросил Гэвин, как будто это соображение вообще не имело смысла. – Особенно с человеком, которого мы даже не знаем.

Энди смотрела на него, ожидая, что он ответит на собственный вопрос. В конце концов Хейди проговорила:

– Мы были недостаточно внимательны к ней. Знаю, это моя вина. Я не ожидала, что материнство окажется такой тяжелой обязанностью. Моя работа страдает, все кажется каким-то зыбким... Я постоянно напоминаю себе, что нужно уделять больше времени Софи, но у меня ничего не получается.

– Не вини себя, – оборвал ее Гэвин. – Это в гораздо большей степени моя ответственность, чем твоя. Я должен был чаще разговаривать с ней и продолжать заниматься с ней так, как мы делали это раньше.

– Мы оказались не готовы к тому, что малыш настолько изменит нашу жизнь, – с несчастным видом добавила Хейди. – Наверное, это звучит наивно, но другие родители

неплохо справляются после рождения второго ребенка. Правда, не всегда случается такая большая разница в возрасте, к тому же Софи привыкла быть папиной любимицей.

Энди, зная несколько семей, которые распались в точно такой же ситуации, решила вернуть их к действительности.

– Пожалуйста, подумайте как следует: был ли кто-то из сезонных рабочих, посетителей или сотрудников, кто уехал отсюда на прошлой неделе и с кем она могла бы сбежать?

Хейди покачала головой.

– У нас заезды по субботам, но это было либо за день до того, как мы последний раз видели ее, либо через шесть дней после случившегося.

– А рабочие?

– Насколько мне известно, сейчас никого не осталось, но мы можем проверить список персонала.

Зная о том, что эта информация будет автоматически собрана полицейскими патрульной службы, которые сейчас находились в офисе, Энди решила, что услышала достаточно, и закрыла свой блокнот.

– Я знаю, что мои коллеги произвели так называемый поверхностный досмотр, – сказала она. – Но вы не возражаете, если перед уходом я посмотрю на комнату Софи?

Хейди переглянулась с Гэвином и ответила:

– Не вижу никаких причин для возражений. Правда, мы уже сами искали, но там нет ни записки, ни других намеков на то, где она могла бы находиться.

Энди встала.

– Один последний вопрос, – сказала она, надевая сумочку на плечо. – У вас возникало подозрение, что Софи может принимать наркотики?

Гэвин помрачнел, а Хейди покачала головой.

– Я бы сказала, что выпивка больше в ее вкусе, – сказала она. – В последнее время она несколько раз приходила совершенно пьяной, причем до такой степени, что практически вырубалась, когда попадала домой.

Энди была рада, что ее избавили от дальнейших подробностей – по крайней мере сейчас.

– Хорошо. Не могли бы вы показать мне ее комнату?

Оставив Хейди сражаться с Арчи, который начал вопить во всю мочь, Гэвин провел ее по коридору до последней двери слева. Когда Энди следовала за ним, она попыталась уловить ощущение места, которое могло дать хоть какое-то интуитивное представление о реальном положении дел в семье. Не то чтобы она усомнилась в услышанном – до сих пор у нее не было серьезных оснований для этого, – но супруги Монро были бы не первыми родителями, которые выставили свою дочь на улицу, а впоследствии горько сожалели об этом.

Первым, что заметила Энди, когда вошла в спальню Софи, был красивый плакат, скорее даже фотопортрет, висевший рядом с кроватью, где была изображена шести– или семилетняя Софи со своими родителями. Все трое были одеты в белое, а мать Софи, худощавая женщина со свободно распущенными волосами медового оттенка и добрыми глазами, держала в руках гитару, Софи же, в длинном платье с кружевной отделкой и белыми ленточками, сидела на коленях у отца и застенчиво улыбалась. Образ был настолько завораживающим, что Энди невольно шагнула вперед.

– Хейди нашла человека, который сделал это, увеличив старую фотографию, – ворчливо

объяснил Гэвин.

– Очень красиво, – пробормотала Энди обратив внимание на веснушчатый нос Софи и на то, как доверчиво она вложила свою руку в отцовскую ладонь.

– Это гитара Джилли, – сказал Гэвин, взяв инструмент, стоявший рядом с кроватью. Джилли – это мать Софи. – Я заставляю Софи продолжить музыкальные занятия, но она не хочет. Очень жаль, потому что она подавала большие надежды.

– А компакт-диски? – поинтересовалась Энди, указав на маленькую книжную полку.

– Это в основном наши записи с Джилли, еще той поры, – сглотнув, ответил он. – На некоторых Софи поет вместе с нами или сама. Нам было весело слушать их вместе, но теперь она вроде бы не интересуется этими записями.

Энди продолжила осмотр. В целом комната выглядела так же, как у любой другой четырнадцатилетней девочки, повсюду висели плакаты молодежных групп. Она обратила внимание, что на большинстве из них изображены солисты «Вестлайф»^[2], что казалось любопытным, принимая во внимание возраст Софи. Вероятно, увлечение исходило от ее матери. Две полки были забиты подержанными мягкими игрушками, на полу в беспорядке валялись предметы одежды и обуви, а подвесная балка играла роль гардероба. Туалетный столик был завален дешевой косметикой, аляповатыми украшениями, гелями и лаками для волос, а сбоку стоял пакет с едой для птиц.

Выглянув в окно, Энди увидела кормушку, висевшую так близко, что можно было дотянуться до нее с подоконника.

Изголовье узкой кровати было обтянуто светодиодной гирляндой, а у стены выстроились ворсистые подушки, к которым прислонилась улыбающаяся тряпичная кукла в рваной одежде и с красными фетровыми щечками. Энди почему-то стало грустно. Она понимала, что это чувство вызвано не куклой, а самой комнатой, хотя и не могла разобраться, почему именно помещение так на нее подействовало. Энди размышляла, какие тайны хранились в этих стенах, свидетелями каких сцен они были, когда юная девушка пыталась примириться с одиночеством и с тем фактом, что ее мать больше не вернется. Энди легко могла представить картину этой внутренней борьбы.

Подойдя к окну, она раздвинула тюлевые занавески и посмотрела на входные ворота кемпинга. Поскольку комната находилась на уровне земли, было совсем нетрудно забраться на подоконник и выскользнуть наружу, не потревожив никого внутри, особенно если обитатели дома находились на кухне в задней части строения.

Она повернулась к Гэвину, который обшаривал ящик стола.

– Не могу найти ее фотографии, – грустно заключил он. – Ничего, кроме нижнего белья, фантиков от сладостей и прочего мусора. Погодите, а это что такое? – Он вытащил полоску с четырьмя снимками, сделанными в фотографической будке, и хмуро посмотрел на нее. – Да, это она.

Подойдя ближе, Энди увидела девушку-подростка с таким же милостивым лицом, как и на школьной фотографии, томными темно-голубыми глазами и пухлыми губами, но на этих снимках ее шелковистые светлые волосы были пронизаны фиолетовыми прядями, как будто она специально попыталась испортить их. Вместо нежной улыбки появились разные гримасы и жесты, которые, как подумала Энди, должны были казаться забавными или, возможно, оскорбительными.

– Можно мне взять их? – попросила она, и Гэвин отпустил полоску.

– Почему бы и нет? – отозвался он, по-прежнему глядя на фотографии. – Но я не хочу,

чтобы вы приобщали их к делу или что-нибудь в этом роде. Она на самом деле не такая – или, во всяком случае, никогда не была такой.

– Хорошо, мы ничего не будем делать без вашего согласия. – Не было смысла объяснять ему, что средства массовой информации не проявят никакого интереса к делу на этом этапе расследования, когда все указывало на непослушание подростка, который пытается добиться большего внимания со стороны родителей.

Тогда почему же ей не удастся избавиться от неприятного ощущения, что за этим кроется нечто большее, чем она видит сейчас?

Ты должна отступить в сторону, – убеждал ее внутренний голос. – Не вмешивайся. Пусть кто-нибудь другой займется этим делом.

Бросив последний взгляд на комнату, она поблагодарила Гэвина, пообещала вскоре связаться с ним и вернулась к своему автомобилю. Несколько секунд она неподвижно сидела за рулем, глядя на окно Софи и представляя, как девочка насыпает семена в кормушку и смотрит на прилетающих и улетающих птиц. Или вылезает на улицу и залезает обратно в дом при свете луны. Или закрывает занавески, чтобы отгородиться от остального мира.

В конце концов она достала свою рацию и связалась с Барри.

– Где вы? – спросила она.

– Только что вышли из клуба. Как прошло с родителями?

– Я озабочена, – призналась она. – Ты знаешь, что ее мать умерла четыре года назад?

– Да, они сказали мне. Это имеет отношение к делу?

– Возможно. Ты нашел что-нибудь интересное?

– Ничего убедительного. Ни один сотрудник, временный или постоянный, не уезжал отсюда в течение прошлого месяца. Проверка смены посетителей могла стать полным кошмаром, но, слава богу, управляющая аккуратно ведет записи.

– Кто-нибудь видел девочку после воскресного вечера?

– Несколько человек утверждают, что да. Судя по всему, она допоздна находилась в развлекательном центре после ссоры с родителями. Но мы не нашли никого, кто вступал с ней в контакт позже.

– Кто-нибудь видел, как она ушла?

– Пока нет, но многих еще нужно опросить.

– Ясно. Тебе известно, упоминала ли она о ссоре с родителями в разговоре с кем-либо?

– Неизвестно.

– Секс? Наркотики?

– Еще рановато, – ответил Барри. – Но если ты настаиваешь...

Энди закатила глаза.

– Есть упоминания о первом, но ничего существенного о втором. Это если относиться к сплетням как к Священному Писанию.

Поскольку многие девушки в возрасте Софи уже начинали половую жизнь, не было причин считать ее исключением из правила, особенно с учетом того, что в ее комнате нашли противозачаточные таблетки. Мысль о том, что Софи вступала в беспорядочные связи с мужчинами для того, чтобы привлечь внимание отца или забыть об утрате матери, печалила Энди.

– Если Софи ведет активную половую жизнь, то попадает в зону высокого риска, – заявила она. – Очевидно, она принимает противозачаточные таблетки, но постоянного парня у нее нет, если только ты еще не нашел его.

– Пока нет.

– Ладно, мне пора возвращаться в участок и объясняться с Голдом. Если до пяти часов ничего не изменится, давай встретимся в доме ее подруги. Можешь прислать мне адрес по телефону.

– Ты имеешь в виду Эстеллу Моррис? Легче сказать, чем сделать. Она уехала в Бристоль с матерью и вернется только завтра.

– Хорошо, тогда поговорим завтра. Между тем я попробую присвоить этому делу высокий уровень риска.

Закончив разговор, она еще некоторое время продолжала смотреть на окно комнаты Софи. С этого угла тюлевые занавески казались такими же непроницаемыми, как стены по обе стороны от них, делая истинную причину побега такой же неуловимой, как и тайны, запертые в сердце юной беглянки.

«Где ты? – безмолвно прошептала Энди, ощущая эхо этих слов как голос призраков из темных пещер прошлого. – Куда ты ушла? С кем ты теперь?»

Спаси и сохрани ее Господь, потому что альтернатива была такой, о которой Энди не хотелось и думать.

Глава 2

Касе Домански нравилось жить в Англии. Здесь почти все пришлось ей по душе – от людей до местного колорита и изобилия в магазинах, где было все, что только можно пожелать, или забавных традиций, таких как левостороннее движение и крикет. Ей нравился даже местный климат, хотя такое количество дождей и пасмурных дней сначала огорчало ее; лето в ее стране было гораздо более долгим и жарким, чем здесь, если не считать нынешнего, которое было лучшим после ее приезда.

Кася была стройной миниатюрной женщиной ростом немного более полутора метров при весе чуть больше пятидесяти килограммов, с тонкими светлыми волосами, небесно-голубыми глазами и маленьким ртом, который, казалось, всегда был готов расцвести в улыбке. В следующий день рождения она собиралась отметить свое тридцатилетие, и теперь, когда у нее было так много друзей в Англии, она планировала устроить роскошную вечеринку.

Она знала, что не всем ее соотечественникам удалось так же хорошо устроиться в Англии, но ей тоже сначала пришлось нелегко. После приезда в Великобританию пять лет назад она со своими детьми, трехлетней Аней и годовалым Антоном, делила с сестрой маленькую квартиру в северной части района Темпл-Филдз, входившего в состав Кестерли. В этом месте часто происходили социальные беспорядки, а местные подростки, которые сбивались в шайки, либо продавали наркотики другим подросткам, либо сводили счеты с недружественными шайками. Кася, которая с самого начала хорошо говорила по-английски, часто сожалела, что понимает оскорбительные словечки, обращенные к ней. Ей было жутко, когда люди плевали ей вслед на улице за то, что она копалась в выброшенных вещах или бралась за мелкую работу для местных жителей. Правда заключалась в том, что она никогда не обращалась к правительству за подачками. Она приехала в страну с достаточным количеством денег, чтобы без особого беспокойства прожить первые несколько недель. За это время ее сестра Оленка, которая работала сиделкой в доме для престарелых «Гринсливз» в приморской части Кестерли, помогла ей получить там место, оставшееся вакантным в течение нескольких месяцев.

Эти первые два года были настолько ужасными, что Кася каждый день тосковала по своей матери и ее дому в южной Польше. В сущности, она вернулась бы на родину, но жить там было сложнее, чем в Англии. В ее стране не существовало законов, защищавших женщин и детей от мужской жестокости, в отличие от Соединенного Королевства, где беженцы находились под защитой государства, а в такой помощи Кася отчаянно нуждалась. Ее муж, отец ее детей, регулярно избивал их, так что в конце концов единственным способом спастись от него и его постоянного пьянства был отъезд за рубеж. Поскольку Оленка уже жила в Англии, было решено, что Кася должна присоединиться к ней, поэтому ее родители, которые вовсе не были обеспеченными людьми, потратили все свои сбережения, чтобы собрать ее в дорогу.

Кася уже давно расплатилась с ними и продолжала посылать деньги; в их семейном доме в горах теперь появился внутренний туалет вместо деревянной конуры на улице. Теперь ее мать могла оплачивать труд наемных работников при сборе урожая малины, которая росла на склоне холма, а ее отец купил подержанный трактор. Несмотря на эти приятные излишества, родители продолжали настаивать, чтобы Кася тратила свои деньги на детей. Им

было трудно понять, что теперь она имела достаточно средств, чтобы они почти ни в чем не нуждались. Она даже могла покупать маленькие подарки для обитателей дома престарелых в дни именин, и они радовались этой польской традиции, с которой большинство из них раньше не встречалось.

Хотя они с Оленкой по-прежнему работали в доме престарелых, теперь они жили в гораздо более дружелюбном районе Уэйверли: Оленка – в просторной квартире над газетным киоском на Селдон-Райз, а Кася – в нарядном таунхаусе с эркерным окном и вьющейся глицинией на Патч-Илм-лейн, который они с Томашем арендовали у его работодателей.

Томаш. Одно его имя вызывало прилив счастья из глубины ее существа, а на лице тут же появлялась улыбка. Он был ее красивым, талантливym, щедрым и нежным спутником, настоящим великаном с мышцами, твердыми, как скалы Кестерли. А его глаза, когда она заглядывала в них, каждый раз заставляли ее таять. Они познакомились три года назад, когда он приехал в «Гринсливз» уладить какую-то проблему с водопроводом, и если это не было любовью с первого взгляда, то Кася вообще не знала, что это такое.

Вскоре она обнаружила, что весь мир любил Томаша; люди, как только узнавали Томаша поближе, тут же располагались к нему. От этого трудно было удержаться, потому что он всегда лучился добротой и юмором и не жалел времени, чтобы помогать другим. Как и Кася, он прожил в Англии два года; как и она, он до сих пор посылал деньги своей матери, которая осталась в Польше.

Вскоре после того, как они стали жить вместе, в карьере Томаша произошел необыкновенно удачный поворот. Пойнтеры, владевшие двумя самыми большими кемпингами для автофургонов в бухте Перримэна и несколькими другими деловыми предприятиями, назначили его ответственным за техобслуживание всех своих объектов. Более того, они гарантировали ему как минимум два выступления в неделю на пике сезона в развлекательном центре «Голубой океан». Поскольку Томаш любил петь не меньше, чем шутить и смеяться, он ухватился за эту возможность, и теперь, выучив все популярные английские песни, он часто становился самым желанным исполнителем в летние месяцы.

Сейчас, торопливо минуя ворота своего темно-коричневого дома с горшками фигурно подстриженных растений по обе стороны от крыльца и витражной панелью на входной двери, она шарила в сумочке в поисках ключей и одновременно разговаривала с Томашем по телефону.

– Так где ты сейчас? – спросила она, открыв дверь и наклонившись, чтобы забрать почту. Она обожала это место, с темно-красными коврами от одной стены до другой, с посудомоечной машиной на кухне, семейными фотографиями на стенах и ощущением полной безопасности.

– Только что вышел из «Голубого океана», – ответил он. – Кстати, сегодня там были полицейские, которые спрашивали о Софи Монро.

Кася нахмурилась.

– Ты имеешь в виду дочь Хейди и Гэвина? Что с ней случилось?

– Судя по всему, она пропала.

Кася резко остановилась.

– Пропала? – Перед ее мысленным взором промелькнули всевозможные ужасные образы.

– Так говорят. Я еще не знаю подробностей, но полицейские спрашивали всех, видели ли

они девочку с прошлого воскресенья.

– А ты видел ее?

– Не помню такого, но возле эстрады было полно людей, поэтому она вполне могла находиться там, а я просто не заметил ее.

Закрыв входную дверь, Кася пошла по коридору и на ходу захлопнула дверцу кладовки под лестницей.

– Последний раз ее видели в прошлое воскресенье? Восемь дней назад?

– Думаю, да. Глин считает, что она поссорилась с родителями и теперь наказывает их, спрятавшись где-то неподалеку.

Глин снимал квартиру вместе с Оленкой и работал шеф-поваром в парке «Голубой океан».

– Ужасно, если это правда, – пробормотала Кася. – Хотя это в любом случае ужасно. Должно быть, Хейди и Гэвин с ума сходят от беспокойства. Ты встречался с ними?

– Не сегодня. Ивен, заместитель управляющего, как обычно, занимался текущими делами.

Когда Кася вошла в узкую кухню, она бросила сумочку на стол и быстро просмотрела почту.

– Не знаю, может, стоит позвонить Хейди, – задумчиво произнесла она. – Я вряд ли как-то смогу ей помочь, но хочу, чтобы она знала, что я тоже беспокоюсь.

– Полагаю, все ее друзья уже позвонили, – ответил Томаш. – Но я зайду к ним попозже. Если увижу ее или Гэвина, то скажу им, что мы полностью в их распоряжении.

– Пожалуйста, сделай это. Когда ты вернешься домой?

– Наверное, около семи вечера. Дети уже придут?

Кася посмотрела на белую доску, висевшую на стене над маленьким столом, где они собирались за завтраком. Там были расписаны все главные занятия членов семьи на текущую неделю; из-за летних каникул надписей было не так много, как обычно.

– У Ани урок танцев в шесть часов, а Антон начинает занятия карате в семь вечера.

– Обещаю быть дома в семь. Ладно, теперь мне нужно отключиться; я как раз поворачиваю в парк «Морской вид».

– Ты не забудешь позвонить маме?

Он рассмеялся.

– Думаешь, я посмел бы забыть о ее дне рождения? Она была рада сказать мне, что я ужасный сын, и поблагодарить тебя за шоколад.

Зная о том, что благодарность досталась только Томашу, так как его мать была ревностной католичкой и не одобряла отношения своего единственного сына с замужней женщиной, Кася сказала:

– Я рада, что подарки пришли кстати.

– Так и есть. Но теперь я и впрямь не могу больше говорить. Позвони, если что-нибудь понадобится, или до встречи дома.

Положив телефон, Кася налила себе холодного сока и бегом поднялась наверх, чтобы снять форму сиделки перед душем. Оленка, чья смена начиналась с восьми вечера, присматривала за детьми, и поскольку она должна была привезти их домой как минимум через полчаса, Кася надеялась, что у нее останется время для проверки электронной почты до того, как начнется обычный домашний хаос. Однако, когда она вошла в свободную комнату, где Томаш поставил компьютер, то, к своему изумлению, обнаружила, что там

ничего нет.

– Наш компьютер пропал, – сообщила она Томашу, когда дозвонилась до него.

– Что? – воскликнул он. Потом, словно осознав смысл услышанного, он рассмеялся. – Извини, я забыл тебе сказать. Я забрал его сегодня утром, чтобы перенести все данные на новый лэптоп. Решил, что настало время апгрейда.

Кася не могла возразить, потому что они обсуждали этот вопрос уже несколько недель, и спросила:

– Так когда он снова будет у нас дома?

– Надеюсь, сегодня. Я позвоню в «Карри» по дороге домой и заберу его, если все готово.

– Хорошо. Надеюсь, ты не возражаешь, если сегодня вечером я приготовлю зразы?

Он довольно вздохнул.

– *Kochanie*^[3], я всегда за то, чтобы ты готовила зразы. Какую кашу ты к ним подашь?

Поскольку слово «каша» звучало очень похоже на ее собственное имя, Кася проворковала:

– Знаешь, это звучит непристойно!

– Я подожду с ответом, пока мы не останемся наедине, – со смехом ответил он.

Кася все еще продолжала улыбаться, когда приехала Оленка с детьми. После раздачи поцелуев, восторгов по поводу новой прически Ани, деланого испуга перед страшным динозавром Антона и нежных объятий с ее полуторогодовалым племянником Феликсом Кася открыла детям заднюю дверь, чтобы они могли строить замки в песочнице, которую Томаш соорудил рядом с игрушечным домиком.

Когда все немного успокоилось, она повернулась к сестре и спросила по-польски:

– Ты слышала о Софи Монро?

– Ты имеешь в виду ее исчезновение? – спросила Оленка, оторвавшись от заварки чая. При росте пять футов четыре дюйма Оленка была заметно более высокой, дородной и смуглой, чем Кася, а поскольку она была на три года старше и на два года дольше прожила в Британии, то считала себя более опытной в местных делах и обычаях. – Думаю, Глин права: она где-то прячется и хочет напугать родителей.

– Это довольно жестоко, ну будем надеяться, что больше за этим ничего не стоит, – со вздохом сказала Кася.

Нарезав лимон, Оленка положила по кусочку в каждую кружку и протянула одну из них сестре.

– Мне очень жаль Хейди, – заметила она. – Вот уж кто не заслуживает наездов от этой девчонки.

Поскольку Кася очень мало знала о семье Монро, она лишь грустно покачала головой.

– Судя по тому, что я слышала, она набрасывалась чуть ли не на всех парней, которые приезжали в кемпинг, – продолжала Оленка. – Ей было все равно, работали ли они там или просто приезжали отдыхать... Очевидно, некоторые гости жаловались на ее поведение. А как бы ты поступила, если бы она стала приставать к твоему мужу или сыну?

Кася признавала, что ей бы это сильно не понравилось.

– Она еще очень молода и, возможно, не понимает и половины того, что делает. Мы тоже многого не понимали в ее возрасте.

Оленка предостерегающе взглянула на нее.

– Нет, не понимали, – настаивала Кася. – Да, мы жили в совершенно другом мире по сравнению с Софи, но ты помнишь то время, когда у нас заиграли гормоны и нам вдруг

захотелось мужского внимания?

– Может быть, это правда, но мы ничего уж такого не делали, если только ты не позволяла себе лишнего.

– Конечно, ничего особенного я себе не позволяла. Я лишь говорю, что девочки ее возраста не всегда сознают последствия своих поступков. Но давай лучше поговорим о другом: вы с Глином не поужинаете с нами сегодня вечером? Будет много вкусного.

Оленка наблюдала, как Кася разворачивает стейки.

– Если готовить зразы, они всегда вкуснее на следующий день, – заметила она.

– Знаю, но я собираюсь приготовить их сегодня.

– Вижу, тебе достались лучшие куски.

– Хочешь отбить их? – предложила Кася, доставая молоток для мяса. – Это может улучшить твоё настроение.

Оленка невольно улыбнулась.

– Ладно, если быть откровенной, я немного завидую тебе. Не то что я бы поменяла Глина на Томаша, хотя я бы не возражала... нет, нет, я не серьезно, просто ему так повезло с этой работой у Пойнтеров... Вы живете как короли.

Кася коротко усмехнулась.

– Таунхаус в Кестерли едва ли можно сравнить с Букингемским дворцом, и он даже не принадлежит нам. Как и ты, мы платим за аренду, а Томаш получает больше, чем Глин, потому что он работает не на одной работе. Кстати, тебе тоже следовало бы привлечь Глина к музыкальным выступлениям.

В глазах у Оленки заиграли огоньки.

– Могу обещать, что я не разрешу ему публично демонстрировать свои таланты, и да спасет нас господь от его пения.

Игриво подтолкнув сестру, Кася жестом предложила ей отбить мясо и потянулась к телефону.

– Привет, это я, – сказал Томаш. – Мне только что позвонили из «Карри»; судя по всему, компьютер будет готов только завтра, а на кухне в «Морском виде» отключилось электричество. Не имею понятия, сколько времени займет починка, но не думаю, что успею домой до семи вечера. Можно поговорить с Антоном?

Кася, привыкшая к его ненормированному рабочему графику, позвала сына.

– Есть новости о Софи Монро? – спросила она, пока ждали, когда мальчик вернется из сада.

– Не знаю. Я сейчас не в «Голубом океане», но Джимми Пойнтер только что позвонил. Он беспокоится, что если она вскоре не найдется, это может отразиться на бизнесе, особенно если дело получит огласку. Отдыхающие не любят, когда повсюду ходят полицейские.

Кася приподняла брови.

– Думаю, им гораздо меньше понравится, если окажется, что с девочкой что-то случилось и никто не потрудился ее отыскать. Ладно, поговори с Антоном. – Поцеловав сына во взъерошенные темные волосы, она передала ему трубку.

– Извини, Энди, это просто невозможно.

Инспектор сыскной полиции Теренс Голд качал головой с понятным для Энди сожалением, но ей по-прежнему было трудно примириться с его словами.

– Тебе не хуже меня известно, что у нас нет ресурсов для слепой охоты на четырнадцатилетнюю девчонку, которая забрала деньги, компьютер и мобильный телефон...

– ...которым она не пользовалась с прошлой среды, – перебила Энди.

– Но она сообщила отцу, что находится среди друзей...

– ...которых так и не назвала. Что, если кто-то заставлял ее посылать эти сообщения?

Теренс грозно нахмурился.

– А что, есть какие-то доказательства?

– Нет, но, честно говоря, мне кажется странным, что она прекратила любые контакты.

– Может быть, со своими родителями, но ты еще не говорила с ее лучшей подругой.

– Мы навели справки у мобильного оператора. Ее телефон вообще не использовался с прошлой среды.

– Значит, у нее предоплатный тариф. Тебе известно, какие дети нынче сообразительные.

– Она не выходила ни в одну социальную сеть. По крайней мере, до сих пор мы ничего не нашли, а ведь еще неделю назад она регулярно пользовалась «Фейсбуком».

Он в упор посмотрел на Энди.

– Она угрожала совершить самоубийство в одном из своих постов? Были какие-либо домогательства, угрозы, троллинг или попытки принуждения к сексу?

– Ничего из вышеперечисленного, но это не значит, что мы можем исключить все это.

– Тебе нужно поговорить с ее подругой. Как ее зовут?

– Эстелла Моррис, и Барри Бриттен уже говорил с ней по телефону. Она клянется, что не знает, где находится Софи.

Он недоверчиво приподнял брови.

– И ты веришь ей?

Энди жестко ответила на его взгляд, понимая, что это соображение имеет смысл.

– Позволь мне объяснить, почему это дело нужно отнести к категории высокого риска, – с нажимом произнесла она. – Вполне вероятно, что она ведет активную половую жизнь. В четырнадцать лет это делает ее...

– Энди, ты отлично знаешь, что это делает ее занудной прилипалой, как и половину других четырнадцатилетних девчонок.

– Но ее не было дома больше недели. Что, если она уехала с кем-то, кто останавливался в кемпинге, и теперь он где-то удерживает ее?

– Если у тебя нет доказательств, ничто не указывает на это.

– Пока не указывает.

– Когда будут улики, мы переоценим ситуацию, а до тех пор пусть этим занимается регулярная полиция. Ты должна вернуться к расследованию краж на Вермерс-роуд. В нашем списке жалобы из «Викс», «Дебенхэмс» и «Каррис»...

– Неужели кража электроинструментов более важна, чем пропажа девочки? – сердито воскликнула Энди.

Голд выставил подбородок, напомнив о том, что он не потерпит нарушения субординации даже от нее.

– Мы должны знать, как кому-то удастся выносить товары из магазинов, оставаясь незамеченным, – продолжал он как ни в чем не бывало. – Судя по всему, у нас под носом орудует какой-то преступный синдикат, и если это так, пора дать им понять, что мы этого не потерпим. Поэтому окажи мне услугу, займись в первую очередь кражами и оставь пропавшую девочку ребятам в синих мундирах.

Энди решила не уступать.

– Мне очень жаль, но я не могу этого сделать, – храбро заявила она.

Его лицо посуровело.

– Это не просьба.

– Я понимаю, но, сэр, тут есть признаки...

– Энди, ты вынуждаешь меня говорить вещи, от которых я предпочел бы воздержаться. –

Игнорируя ее вызывающий взгляд, он продолжал: – Нам обоим известно, что ты не можешь ясно мыслить, когда речь идет о пропавших девочках.

Хотя на скулах Энди напряглись желваки, она все-таки промолчала.

– Ты позволяешь личным переживаниям из прошлого влиять на твой здравый смысл, – более мягким тоном продолжил он. – Но независимо от того, как ты это воспринимаешь, Энди, возвращение той девочки не вернет твою сестру.

Сердце Энди ёкнуло. Разумеется, он был прав, но это дело все равно не давало ей покоя.

– Кражи, – тихо произнес он. – Организуй какие-нибудь аресты. Покажи нам, сельским мужланам, из чего сделаны столичные девушки.

Хотя Энди понимала, что это была самоуничижительная шутка ради того, чтобы разрядить напряженную атмосферу, она так и не смогла улыбнуться, когда покинула кабинет начальника и вернулась за свой рабочий стол.

– У меня такое впечатление, что дело не выгорело, – заметил Лео Джонсон, оторвав взгляд от своего компьютера. Он был эффектным молодым человеком с копной непокорных рыжих волос и телосложением борца, настоящим энтузиастом своей работы, которая могла быть такой же увлекательной, как и неприятной. Как бы то ни было, он определенно был настоящим детективом, с которым она предпочитала работать, как и с Джеммой Пейн, не так давно приступившей к исполнению своих обязанностей. С другой стороны, она должна была признать, что ей выпала честь быть частью всей команды уголовного розыска Кестерли. Они страховали друг друга так, как не было принято в столичной полиции, оказывали добровольное содействие в расследовании трудных дел и стояли рядом каждый раз, когда пресловутое дерьмо попадало в вентилятор.

Опустившись на стул, Энди тяжело вздохнула.

– Что бы там ни было, я поддерживаю твои догадки, – сказал Лео.

Она застонала от досады и уронила голову на руки. Поскольку рабочий день уже заканчивался, большинство столов в главном офисе пустовало. Остались лишь двое других детективов, разглядывавших карту, разложенную между ними, и ассистент, который с кем-то говорил по телефону.

Энди повернулась к Лео.

– Ты знаешь о моей сестре? – прямо спросила она.

Его пальцы замерли на клавиатуре. Разумеется, он знал. Скорее всего, это было первой сплетней, обсуждавшейся с тех пор, как в уголовном отделе Кестерли стало известно о переводе Энди Лоуренс из Лондона и о ее назначении на должность сержанта. Он знал ее имя еще и потому, что семья ее отца была родом из Кестерли, хотя он сам служил старшим суперинтендантом^[4] сыскной полиции в Лондоне в то время, когда исчезла Пенни. В те ужасные дни поисков, молитв и постоянного ожидания худшего исхода еще не было компьютеров и электронной почты, но истории о том, чем все закончилось для ее отца, распространились в полицейской среде с такой же скоростью, как любой компьютерный вирус.

Теперь они были подобны мрачному наследию, эхо которого не затихало с годами.

– Есть новости от социальных служб? – спросила Энди, вернувшись к делу Софи Монро.

– Пока ждем, – ответил Лео.

Это ее не удивило, поскольку социальные службы отличались медлительностью. Энди резко встала из-за стола.

– Хорошо, тогда поговори с ребятами из ОРЖД, – сказала она, имея в виду отдел расследований жестокого обращения с детьми. – Выясни, были ли у них какие-то более ранние контакты с семьей Монро. А я пойду домой.

Она подхватила сумочку и телефон и вышла из офиса.

– Я уже в пути, – сообщила она матери по голосовой почте, когда вывела свой автомобиль с закрытой автостоянки к окаймленному деревьями зеленому прямоугольнику, где находилась штаб-квартира полиции Кестерли. Пожалуй, небольшая выпивка у Мелвиллов будет именно тем, что ей необходимо сегодня вечером. Еще лучше была бы бутылка вина, распитая с Грэмом, а еще лучше – целая ночь, проведенная вместе с ним, но этого не случится до среды, и то в самом лучшем случае.

Она действительно собирается это сделать? До сих пор она не спала ни с кем, кроме Мартина.

Замедлив ход за туристическим автопоездом на набережной Кестерли, Энди поймала себя на мысли о том, что бы посоветовал ее отец, если бы она могла обсудить с ним дело Софи Монро. В определенном смысле она была рада, что не может этого сделать, потому что слишком хорошо понимала, как сильно бы эта тема расстроила его. Дело Софи оказало точно такое же воздействие и на нее, всколыхнув воспоминания о далеком прошлом, хотя она не впервые участвовала в поиске людей, пропавших без вести, с тех пор, как начала работать в полиции. Энди была уверена, что может совладать с собой, хотя это был первый случай исчезновения четырнадцатилетней девочки, с которым ей пришлось столкнуться.

Пенни было всего лишь тринадцать лет, когда она впервые ушла из дома, никому не сказав ни слова. Тогда они жили в Чизвике, где поселились с тех пор, как родилась Энди, хотя и в другом доме. Они переехали в многоквартирный дом с четырьмя спальнями недалеко от Хай-стрит через год после того, как ее отец был назначен заместителем начальника полиции, и примерно за год до начала всех проблем. Теперь к Энди пришло запоздалое понимание, что ее сестра страдала депрессией с тех пор, как у нее появились первые признаки полового созревания. Беда заключалась в том, что, поскольку члены семьи постоянно были заняты, – ее отец – на работе, мать – в своем небольшом агентстве по торговле недвижимостью, а Энди (которая была на два года старше) – учебой, парнями, молодежными тусовками и девическими увлечениями, – изменения в поведении Пенни сначала остались незамеченными и неизменно сводились к «этапу взросления, через который она проходит».

Ее воспоминания о Пенни в те последние месяцы были омрачены тем, как она кричала на сестру за привычку входить в комнату без стука или за ее постоянные жалобы и причитания.

«Что значит – ты некрасивая? – резко спрашивала она. – Если у тебя есть несколько черных точек на лице, это еще не делает тебя уродиней. Если думаешь, что это навсегда, иди и надоедай кому-нибудь еще».

Пенни возвращалась в свою комнату, но потом возвращалась и говорила что-нибудь вроде «я хочу быть такой же умной, как ты, но никогда не смогу поступить в университет»,

или «мама с папой больше любят тебя, я это вижу», или «у меня совсем нет друзей, и я никому не нравлюсь». А Энди отвечала «прекрати жалеть себя и постарайся повзрослеть» или «у меня нет времени на твои сопли, так что двигай отсюда».

Энди до сих пор передергивало от стыда каждый раз, когда она вспоминала, с какой жестокостью и нетерпимостью обращалась со своей сестрой, и боль от этого со временем становилась лишь сильнее. Она никогда не перестанет мучиться мыслями о слезах, которые Пенни проливала в одиночестве, когда никто не хотел выслушать ее. Должно быть, ее хрупкое сердце разбилось на тысячу осколков под бременем желанья оказаться понятой. Энди была готова отдать все за один шанс возместить эту потерю, за возможность сказать Пенни, какой красивой, умной, любимой и популярной она была. Ей хотелось сделать Пенни центром своего мира, но судьба, бог или что-то еще так и не позволили это осуществить.

Первый раз Пенни ушла на всю ночь, заставив родителей лихорадочно обзванивать всех ее друзей и даже отправиться на поиски перед рассветом. Она объявилась на следующее утро и сказала, что была у Мии, недавно поступившей в школу, с которой ей хотелось лучше познакомиться. Во второй раз, несколько недель спустя, суматоха была не такой сильной, и впоследствии членам семьи не понадобилось много времени, чтобы вернуться к своей лихорадочной деятельности. В конце концов они перестали беспокоиться, когда Пенни уходила из дома во время очередного «приступа хандры». Они предполагали, что она находится у Мэнди, у Келли или у Мии, а поскольку она неизменно возвращалась домой через день или два дня, никто даже не трудился проверить, где она была.

Потом однажды она не вернулась. Она отсутствовала все выходные, и только потом Энди с родителями стали звонить знакомым, обыскивать улицы, местные лавки, приюты и больницы, но так и не нашли никаких следов исчезнувшей девочки. Тогда к делу привлекли полицейских, обыскавших соседние сады и расспросивших всех, кого только было можно, но никто не смог пролить свет на участь Пенни.

Даже сейчас Энди не могла думать о том времени, не испытывая приступов панического ужаса, однако все же научилась быстро подавлять свои эмоции и двигаться дальше. Она понимала, что она не сможет объективно оценивать ситуацию, если девочку не найдут в ближайшее время.

Хуже, гораздо хуже, чем неизвестность, было письмо, полученное от Пенни почти через две недели, со штампом местного почтового отделения. Энди знала, что за всю свою жизнь она не прочитает ничего, что могло бы причинить ей такую боль.

Дорогие мама и папа,

наверное, мне следовало бы извиниться за свой уход, но, может быть, вы уже не слишком беспокоитесь о том, что меня больше нет рядом, поэтому я лучше извинюсь за то, что всегда была сплошным разочарованием для вас. Я знаю, что папа хотел сына, когда я родилась, поэтому я с самого начала была для него досадным недоразумением. Я не виню его за то, что он всегда больше любил Энди, потому что она гораздо красивее меня и любит спорт так же, как и он. Она действительно умнее меня, поэтому справедливо, что он так гордится ею. Я знаю, что не должна это говорить, но иногда я ненавижу ее за то, что она во всем гораздо лучше меня. Никто не замечает меня, когда она находится в комнате. Я как будто становлюсь невидимой и знаю, что она хочет, чтобы я ушла. Именно это я и собираюсь сделать.

Не знаю, что еще сказать, кроме очередных извинений. Надеюсь, вы все будете гораздо счастливее без меня. Пожалуйста, передайте Энди, что она может забрать любые мои вещи, которые ей понравятся, хотя не думаю, что она вообще что-то захочет взять.

Ваша дочь Пенни.

Ужас, горе и потрясение, охватившее членов семьи, превосходила лишь отчаянная потребность найти девочку. Было организовано настоящее полицейское расследование; друзья, соседи и даже незнакомые люди из разных мест присоединились к поискам. Все эти события комментировались в новостях в течение нескольких недель, но Пенни так и не нашли.

Энди помнила, как ее мать все это время сидела на успокаивающих средствах, а сама она боялась умереть от страха перед тем, что могло случиться с ее сестрой. Вопрос, который она постоянно задавала себе вместе со всеми остальными, но никогда не произносила вслух, был таким: *Неужели Пенни покончила с собой? Или она до сих пор где-то ждет и надеется на то, что мы убедим ее, что она любима?*

Тело так и не нашли, и больше никаких известий от девочки не приходило.

Для ее отца это исчезновение стало началом конца. Неизвестность и ощущение собственной беспомощности постепенно разрушали его личность. То, что Пенни не верила в его любовь, хотя он любил ее больше собственной жизни, оказалось невозможно вытерпеть. Он клялся, что в семье у него не было любимчиков, но как он мог сказать об этом Пенни, если она уже не вернется?

Вскоре стало ясно, что отцу все труднее концентрировать внимание. Чувство отчаяния, стыда и вины было настолько ошеломительным, что он едва мог нормально разговаривать с кем-либо дома или на работе. Он продолжал искать пропавшую дочь в своем сердце и повсюду вокруг. Везде, куда бы они ни направлялись, его взгляд обыскивал лица, аллеи и дверные проемы в отчаянной попытке увидеть знакомый облик. Через год он превратился в пустую оболочку того мужчины, которого все знали раньше. Хотя он выполнял ритуалы повседневной жизни дома и на работе, было понятно, что ему с трудом удастся поддерживать надлежащую форму. Но тяжелее всего была утрата близости с Энди. Отцу казалось, что Пенни может следить за ним и готова снова обвинить его в том, что он больше любит свою старшую дочь. Поэтому атмосфера добродушной шутливости, которая всегда существовала между ним и старшей дочерью, сменилась молчанием. Они больше не потешались над темами вечерних новостей, он перестал спрашивать, как продвигается учеба Энди, и почти никогда не смеялся.

Прошло два года после кошмарного письма от Пенни, когда коттедж, расположенный рядом с домом его родителей в Кестерли, был выставлен на продажу. Обсудив положение дел с Энди и Морин, отец досрочно вышел в отставку и переехал вместе с семьей в юго-западную Англию. Хотя Энди знала, что родители разделяют ее страх перед тем, что Пенни никого не найдет на месте после возвращения, она была рада уехать из дома, где, казалось, навеки поселился призрак ее младшей сестры.

Однако жизнь в Кестерли не стала для нее более легкой. В некоторых отношениях было даже хуже, поскольку каждый поворот, любой вид или запах, доносившийся с дуновением морского бриза, как будто хранил память о Пенни. Энди видела, как она прыгала от восторга,

когда находила краба в лужице морской воды на скале, громко смеялась, катаясь на ослике по песчаным дюнам, или выныривала из воды, хватая ртом воздух, когда училась кататься на доске для серфинга. Родителям было легче; они не проводили там свой летний отпуск, поэтому для них это было чем-то вроде новой жизни.

Несмотря ни на что, Пенни незримо присутствовала в Кестерли. Она была трагическим провалом в их семейной жизни; пустотой, которую нельзя было ничем заполнить; ямой, которую им всегда приходилось обходить, чтобы остановиться перед следующей.

Пенни, Пенни, Пенни. Этот крик безмолвно поднимался из самых глубин их бытия.

Энди завершила шестилетнее высшее образование в Кестерли, но, как только обучение закончилось, она вернулась в Лондон и начала подготовку к службе в полиции. Она понимала, что даже мысль о том, будто это поможет найти Пенни, была настоящим безумием, но сама незавершенность во всем, что касалось ее отношений с сестрой, тогда занимала центральное место в ее жизни. Более того, она ощущала жгучую потребность в восстановлении связи с отцом, которой ей так отчаянно не хватало. Возможно, ее работа в сыскальной полиции снова пробудит в нем интерес к жизни.

В некотором смысле это действительно подействовало. Во всяком случае, он перестал сразу же передавать трубку матери каждый раз, когда Энди звонила домой, а во время ее визитов неизменно сидел рядом и молча слушал, как она рассказывала Морин о служебных ситуациях, в которые она попадала, или о серьезных делах, которые она помогала расследовать. Самый большой прорыв наступил после того, как ее направили на стажировку в отдел уголовного розыска во время второго года службы. Отец спрашивал о том и о сем и иногда даже давал советы, хотя очень скоро угрызения совести снова заставляли его замыкаться в себе, как будто он чувствовал обвиняющий взгляд Пенни.

Несмотря на внутренние муки, отец казался гордым, когда Энди прошла курс сыскальной работы в Хендоне и была официально включена в группу уголовного розыска. «Только не позволяй продвигать себя из полиции в местную политику, – предупредил он. – Это произошло со мной, и я всегда сожалел об этом».

«Все говорят, что ты был одним из лучших детективов», – искренне призналась дочь.

Хотя отец с сомнением приподнял бровь, но был доволен этим нехитрым комплиментом, и когда Энди освоилась в новой роли детектива, то заметила, что он постепенно приучил себя к радостям полицейской карьеры через ее работу. Он по-прежнему интересовался ее успехами, пока она приближалась к своему тридцатилетию, одобряя или не одобряя новые методы и процедуры, подшучивая над сплетнями о бывших коллегах или ломая голову над сложностями текущих расследований. Он не всегда был на связи, но когда Энди звонила ему, он как будто получал глоток свежего воздуха, и новая кровь начинала струиться по его уставшим жилам.

Энди никогда не беспокоила его новостями о пропавших без вести. Она вела такие дела самостоятельно и каждый раз надеялась и молилась о том, чтобы одно из них каким-то образом привело ее к Пенни.

Но этого так и не произошло.

Величайшей радостью для отца и матери стало рождение ее детей. Старшего, Люка, она родила еще во время службы в патрульной полиции, а Алайна появилась на свет через два года. Ее родители просто обожали их и были абсолютно счастливы, когда дети приезжали на летние каникулы точно так же, как она сама, Пенни и Фрэнк в детстве приезжали на лето к дедушке и бабушке.

Именно отец предложил Энди сдать экзамен на сержантский чин немногим более двух лет назад. Хотя она прошла экзаменационную комиссию (он в шутку решил приписать себе эту честь), в то время в лондонской полиции не нашлось свободных должностей, а поскольку тогда она не хотела уезжать из столицы, у нее не было иного выбора, кроме как продолжать работать в должности обычного детектива.

Энди все еще работала детективом восемь месяцев спустя, когда Мартин, отец ее детей и ее неизменный партнер в течение почти двадцати лет после окончания колледжа, решил, что с него достаточно, и ушел от нее.

Через три месяца отец перенес обширный инфаркт и вскоре скончался.

Он умер, так и не узнав, что произошло с Пенни.

Эта истина всегда была невыносимой для Энди.

Через год после его кончины Энди по-прежнему продолжала ужасно страдать в прямом смысле этого слова. Трудно сказать, кого ей больше не хватало, отца или Мартина, хотя она втайне считала, что это был все-таки Мартин, принимая во внимание ту роль, которую он играл в ее жизни и в жизни ее детей. По правде говоря, он до сих пор сохранял эту роль, во всяком случае, для детей, так как они часто встречались с ним, а во время больших семейных праздников постороннему наблюдателю могло показаться, будто они все еще оставались одной семьей. Энди не имела представления, понимал ли он, насколько мучительными для нее были такие моменты, так как сама ничего не говорила ему, а он никогда не спрашивал. Они просто совершали необходимые действия, как старые друзья, некогда жившие вместе, а когда наступало время прощания, они обнимались и обещали друг другу вскоре позвонить. Разумеется, так и происходило, потому что всегда нужно было что-то обсудить насчет детей, но не более того. Энди не хотелось слушать, как он снова и снова вспоминает причины своего ухода; она уже слышала все это в свое время и не нуждалась в дальнейших напоминаниях. За прошедшие годы, занимаясь домашними делами и заботясь о детях, он основал чрезвычайно успешную компанию по обеспечению безопасности в Интернете, и когда правительство США связалось с ним и предложило выгодный контракт в Багдаде, он без колебаний согласился. Он сказал, что наконец-то пришло его время, поэтому отказ будет глупостью. Он уедет на три месяца, в крайнем случае на четыре, и, возможно, им стоит воспользоваться этим временем, чтобы испытать свои отношения на прочность. Эта реплика стала для Энди еще большим потрясением, чем информация о предложении работы в Багдаде. Энди не понимала, зачем нужно «испытание разлукой», поскольку искренне считала, что до сих пор они были счастливы вместе.

Мартин клялся, что у него больше никого нет, но она ему не слишком-то верила. Она лишь знала, что без помощи своего двоюродного брата Фрэнка и его жены Джейн ни за что не сможет управиться с детьми и работой одновременно, пока Мартин будет в отъезде. После возвращения Мартина стало немного легче, хотя он не вернулся домой, а снял квартиру на соседней улице, так что постоянно находился в контакте с детьми.

Частица ее существа жаждала его возвращения в семью, и иногда она почти умоляла его сделать это, но гордость останавливала ее. В конце концов, ему стоило лишь попросить, но он не делал этого как раз потому, что был абсолютно доволен текущим положением вещей. Он даже не возражал, когда она подала заявление об устройстве на работу сержантом уголовного розыска в Кестерли, приняв решение, что ей больше не стоит оставлять свою мать в одиночестве.

Поэтому теперь она жила в коттедже своего деда, который представлял собой часть

большого имени, созданного ее родителями, объединившими оба участка после смерти своих предков. Люк был студентом того колледжа, где раньше учились они с Мартином, а Алайна училась в средней школе Кестерли. Поскольку родители Мартина жили в Вестлейфе на южной стороне города, а его сестра, шурин и их дочь жили в Мулгроуве, одном из соседних поселков, в окрестностях было множество родных, и Люку с Алайной понадобилось совсем немного времени, чтобы обзавестись огромным количеством новых друзей. В этом отношении они были очень похожи на своего отца – доброжелательные, открытые, общительные и готовые стать душой любой компании.

Дети бесконечно радовали ее, но иногда было особенно тяжело видеть, насколько они похожи на мужа.

Слава богу, теперь с этим покончено. Она наконец двинулась дальше и чувствовала себя гораздо лучше.

От набережной минут за двадцать можно было добраться до северного мыса, где миниатюрная бухта Борн-Холлоу образовывала неправильной формы овал из зубчатых скал, зеленых пастбищ с двумя десятками домов, пабом и маленьким магазином с кафе в самом центре. Это был живописный уголок, часто переполненный туристами и любителями пеших экскурсий, со многими из которых ее мать останавливалась поболтать, пока ухаживала за цветочными клумбами среди зелени. В ясный день, такой как сейчас, можно было забраться на «Плевок моряка», каменный монумент над бухтой, и обозреть равнину Южного Уэльса в одном направлении и пустоши Эксмур в другом.

Энди остановилась у «Бриар-Лодж», как родители называли свой большой дом в Кестерли, и едва успела выйти из автомобиля, когда в ее рации зазвучал голос Лео.

– В ОРЖД нет записей о Софи Монро, – сообщил он. – И я только что получил уведомление от социальных служб. Судя по всему, она никак не пересекалась с ними.

– Ясно, – ответила Энди, на мгновение задумавшись об услышанном. С одной стороны, это указывало на то, что девушка не подвергалась физическому насилию дома или в школе. Однако многие правонарушения такого рода оставались незамеченными и не учитывались в первичной статистике. – Запроси сходную информацию о прошлом обоих родителей и об истории кемпинга на тот случай, если раньше там происходило что-то такое, что может иметь отношение к делу.

– Уже работаю.

– Хорошо. Насколько я понимаю, ты до сих пор сидишь в офисе.

– Да.

– Голд еще не ушел?

– Нет.

– Лучше не сердить его, так что посмотри, можно ли раскопать что-нибудь об этих кражах. А я распорядюсь, чтобы двое других детективов отправились на Вермерс-роуд завтра утром и собрали заявления у потерпевших. Я хочу освободить тебя, чтобы ты отправился со мной.

– Ура! Куда же мы поедем?

– Скорее всего, в «Голубой океан» вместе с Барри и другими патрульными.

– Судя по описанию, это похоже на поп-группу шестидесятых годов.

– Проведи эту проверку, а потом вытаскивай оттуда свою задницу и постарайся немного пожить нормальной жизнью, – с улыбкой добавила Энди.

– И что мне делать, если у меня получится заполучить нормальную жизнь?

– Это твоя проблема. – Она отключила радио и вышла из автомобиля как раз вовремя, чтобы помахать молодой паре, недавно переехавшей в один из коттеджей рядом с магазином.

– Привет всем, я дома! – крикнула она, поднимаясь по увитому розами парадному крыльцу. Ответа не последовало, и Энди прошла через прихожую, отделанную деревянными панелями, украшенную живописными видами залива Кестерли (в основном кисти ее отца), и открыла дверь кухни, где увидела мать, стоявшую у окна с таким встревоженным видом, что на Энди обрушилась паника, как удар в грудь.

– Что случилось? – спросила она. – Где дети?

– Они наверху, – поспешно ответила Морин Лоуренс; черты ее привлекательного лица выдавали большую тревогу за состояние дочери, нежели ее собственное расстройство. – Прости, я не хотела напугать тебя. Это...

– Это Мартин? – перебила Энди, внезапно ощутившая тошноту.

– Нет-нет. Это его отец.

– Дуг? – Энди уже чувствовала, как паника отступает.

Ее мать кивнула.

– Только что звонила Кэрол. Сегодня утром у него случился инсульт...

Энди замерла на месте.

– Пожалуйста, не рассказывай, – прошептала она. Встретившись взглядом с матерью и увидев в ее глазах ответ, который не хотела слышать, она поднесла руку ко лбу. – Он не выжил, да?

Морин обняла ее за плечи и привлекла дочь к себе, но сама она дрожала всем телом.

– Ш-шш, все будет в порядке, – тихо прошептала Энди, хотя ей самой было непонятно, почему она это сказала, если было ясно, что все плохо. – Дети уже знают?

– Да. Они очень расстроены. Я обещала отвезти их к Кэрол, когда ты приедешь домой.

– Разумеется. – Энди обернулась в прихожую, услышав шаги детей, спускавшихся по лестнице.

– Ох, мама, – всхлипнула Алайна, пробежавшая мимо брата, чтобы первой успеть к Энди. – Это ужасно. Бедная бабушка Кэрол, ей будет так не хватать его!

Крепко обняв малышку, Энди протянула Люку другую руку. Теперь он был выше ее ростом, со спортивной фигурой; он становился настолько похожим на отца в своей внешности и манерах, что иногда у нее перехватывало дыхание. Единственной чертой сходства с матерью были густые и кудрявые темные волосы.

– С тобой все в порядке? – тихо спросила она, когда он обвил руками ее и Алайну.

Люк кивнул, но она догадалась, что он плакал.

– Папа уже в пути, – сказала Алайна, подняв голову. Она представила себе Мартина, с такими же поразительными ярко-голубыми глазами, темными ресницами и чарующей улыбкой. У нее даже были такие же спутанные светлые волосы, и они доходили до середины спины, в то время как волосы ее отца редко доходили до воротничка рубашки.

– Вы говорили с ним? – спросила Энди.

– Еще нет, – ответил Люк и повернулся обнять бабушку в своей обычной манере никого не оставляя обойденным вниманием. – Думаю, он позвонит, когда приземлится в Хитроу.

– Вы знаете, откуда он прилетает?

– Кажется, с Кипра. Там он был вчера, по пути из Бейрута.

Ну конечно. Бейрут, Дамаск или Каир, – он везде, куда клиенты посылают его для установки непревзойденной системы безопасности.

– Я приготовлю чай, – сказала Морин, повернувшись к чайнику. – Наверное, у тебя был трудный день...

– Все замечательно, – перебила Энди, достала новый лифчик Алайны из сумочки и вручила его дочери. Теперь ничто на свете не заставило бы ее рассказать матери о Софи Монро. Если повезет, то Софи найдется до того, как дело будет предано огласке, и Морин не придется жить с напоминанием о том, каково ей было после исчезновения ее собственной дочери.

Той дочери, о которой ее мать по-прежнему думала каждый день, видела ее в автобусах, переходящей через улицу или играющей с детьми в парке, потому что она сама когда-то тоже делала это; той дочери, которая, во исполнение их тайных молитв, однажды могла чудесным образом вернуться, войти в дверь и снова наполнить их жизнь смыслом.

– Ты звонила Мелвиллам? – спросила Энди.

Морин кивнула.

– Да, они были очень милы. Они знали Дуга.

Большинство жителей Кестерли знали его, поскольку он когда-то был здешним мэром и долго состоял в городском совете. По профессии он был строителем и основателем компании, пользовавшейся такой же известностью и уважением, как и он сам. Около десяти лет назад он даже восстановил местный кинотеатр, который, ко всеобщей радости и удивлению, недавно стал приносить прибыль.

– Ты поедешь к бабушке Кэрол вместе с нами? – спросила Алайна, продолжавшая обнимать свою мать.

– Ну конечно, – ответила Энди. Она поддерживала тесную связь с родителями Мартина, поэтому определенно хотела быть рядом с Кэрол в такую минуту. – Но сначала мне лучше подняться наверх и принять душ. Мама, лучше ты отвези детей, а я последую за вами, как только буду готова.

– А как же чай? – возразила Морин.

Ощущая потребность в чем-то более крепком, Энди сказала:

– Я в порядке.

– Мне подождать тебя? – спросила Алайна, подняв свое милое лицо к матери. Взяв его в ладони, Энди заглянула ей в глаза. Она обожала своих детей, которые никогда, ни на секунду не сомневались в том, что их любят. Это относилось и к матери, и к отцу... может быть, в особенности к отцу. Когда он был рядом, то каждый день встречался с ними, а когда находился в отъезде, то регулярно звонил, посылал эсэмэс и электронные письма, обменивался мгновенными сообщениями в социальных сетях или через разные мессенджеры в зависимости от того, что было проще или интереснее для него в данный момент. Он знал о том, что произошло с Пенни, считавшей, что отец не уделяет ей должного внимания, и, несмотря на угасшую любовь к Энди, вовсе не хотел, чтобы кто-то из его детей усомнился в отцовской любви.

У Энди голова шла кругом.

Дуг был мертв.

Мартин летел домой.

Четырнадцатилетняя девочка пропала без вести.

Казалось, будто мир покачнулся на своей оси, заставив прошлое столкнуться с настоящим, что вызывало у нее странное ощущение тошноты и отстраненности от самой

себя.

– Мама? – окликнула Алайна.

Энди с трудом вспомнила ее вопрос.

– Нет, все в порядке, – сказала она. – Бабушка Кэрол будет рада видеть тебя, а мне перед уходом нужно сделать несколько звонков.

Когда они уехали, Энди налила себе водки и одним глотком осушила бокал. Потом она взяла телефон и вышла на улицу. Поскольку Мартин находился в полете, не было ничего удивительного в том, что звонок был переадресован на голосовую почту, но она чувствовала себя обязанной хотя бы оставить сообщение.

– Привет, это я, – тихо сказала она. – Я только что узнала о твоём отце и хочу сказать, что мне очень жаль. Дети уже едут к твоей матери. Они будут ждать тебя.

Завершив звонок, она постояла, глядя в сад с аккуратно подстриженными розами с одной стороны, всевозможными овощами с другой стороны и бельевой веревкой посередине. Отсюда открывался вид в противоположную от моря сторону, но солёный воздух и крики чаек не оставляли сомнений в его близости.

Энди ощущала горе Мартина как частицу собственного горя, хотя его чувство, несомненно, было более глубоким и острым. Он любил своего отца, и ему ещё предстояло осознать последствия этой утраты. Но сейчас для него важнее всего было находиться рядом с матерью и детьми.

Кто еще будет ждать его?

Решив пока не думать об этом, она задумалась. Исчезновение девочки – вот что было самым главным, и Дуг первым признал бы это... впрочем, как и Мартин.

Взяв свою сумочку, она достала полоску с четырьмя фотографиями Софи и внимательно изучила их, словно пытаясь проникнуть взглядом под макияж и гримасы и увидеть настоящее обличье девушки, ее суть. Она скрывалась где-то глубоко, и Энди не сомневалась, что она плачет и боится, спрятавшись под своей маской, потерявшаяся в мире, который стал слишком сложным для нее.

Спасибо, я поняла, что ты хочешь, чтобы я покончила с собой.

Энди не могла заставить себя поверить, что Софи говорила всерьез, особенно после того, как она забрала свой компьютер, телефон и кое-какую одежду. В случае самоубийства это не имело бы никакого смысла.

Значит, кто-то помог ей убежать?

Это казалось наиболее вероятным.

Куда они увезли ее?

Где она сейчас?

Почему она не пользуется своим телефоном и компьютером?

Может быть, кто-то причиняет ей боль?

Слышит ли кто-то, как она плачет?

Для кого она что-то значила на самом деле? Как часто родители уделяли ей внимание? Как отчаянно она тосковала по матери? Энди не знала ответов на эти вопросы, но понимала, что не собирается ограничивать поиски, ссылаясь на нехватку полицейских ресурсов. Софи Монро нуждалась в тех, кто будет заботиться о ней, выслушает ее и поставит ее на первое место. Она уже стояла на первом месте у Энди и останется там до тех пор, пока ее не найдут.

Пожалуйста, ну, пожалуйста, господи, пусть этот день наступит как можно скорее.

Сьюзи Перкинс была так благодарна за свою работу в парке «Голубой океан», что каждый день в течение десяти минут возносила благодарность вселенной в надежде на то, что она передана тем, кто помог ей получить это место. Список возглавляла Джекки Пойнтер, одна из владельцев кемпинга, с которой Сьюзи познакомилась на собеседовании два года назад. Как только Джекки узнала, почему Сьюзи решила уехать из Эссекса и начать новую жизнь, она сразу же наняла ее на работу и даже назвала в ее честь солярий, которым ей предстояло управлять.

Сьюзи привыкла рассказывать людям историю своей жизни. Но единственными, кому она доверилась здесь, были Джекки и Хейди, управляющая кемпингом, которая сейчас, наверное, была ее ближайшей подругой. Она не имела понятия, рассказывали ли они об этом кому-то еще, но никто из ее новых знакомых не упоминал об этом, хотя это как раз вполне понятно: едва ли кто-то сочтет удобным для себя напоминать ей о подобных вещах. В конце концов, что вы можете сказать женщине, которая потеряла своего мужа и трех прекрасных дочерей из-за пожара, устроенного его ненормальной подругой, в то время как их мать веселилась в клубе со своими знакомыми? Сьюзи даже не подозревала о существовании подруги, пока полицейские не сообщили, что пожар на самом деле был поджогом и возможная виновница находится под арестом.

Разве она заслуживала такого наказания за вечер, проведенный в обществе друзей, особенно потому, что раньше она почти никогда не позволяла себе ничего подобного?

Хотя трагедия произошла уже три года назад, боль Сьюзи оставалась почти такой же острой, как и раньше. Потерять трех драгоценных девочек было все равно что утратить жизненно важные части тела. Было просто неправильно, что она перестала быть матерью; этого никак не могло быть, потому что гормоны до сих пор поддерживали материнские чувства, ее инстинкты продолжали связывать ее с детьми, а память никогда их не отпускала. Ее ангелы должны быть с ней, и они остались бы с ней, если бы их отец не связался с этой психованной тварью.

Все говорили, что он заслуживает смерти, кроме Сьюзи, которая считала, что он должен обречь себя на вечные страдания, горюя о детях и зная о том, что они были бы живы, если бы не его глупость.

Она не ожесточилась, ведь это никому бы не помогло, и в первую очередь ей самой, но в то же время Сьюзи надеялась, что он гниет в аду.

Работу в парке «Голубой океан» нашла для нее мать. Она месяцами вела поиски по веб-сайтам и газетам, желая помочь своей дочери снова вернуться к жизни, а потом появилась эта работа. С учетом предыдущего опыта Сьюзи в салонах красоты, это был превосходный выбор, и может быть, когда она окажется вдали от дома и всех, кто напоминал ей о потере, то рано или поздно сможет прийти в себя.

Сьюзи не стала возражать. Она должна была что-то предпринять, так почему бы не это?

Ее брат Гэри отвез ее на собеседование. В то время он переживал свои трудности, к которым ей следовало бы проявить больше внимания и сочувствия, но тогда она просто не могла заставить себя думать о ком-то еще. В конце концов он все выдержал, хотя и понес определенные потери; поэтому сейчас она старалась помочь ему. Никто не должен был знать о его прошлом. Он приехал сюда только на одно лето и в отличие от нее не собирался здесь

оседать и пускать корни. В конце сезона он уедет и вернется к своим лондонским искушениям или, скорее всего, к матери в Харольд Вуд, где выросли Сьюзи и Гэри.

– Бог ты мой, они повсюду, – проворчал Гэри, глядя из-за шторы «Салона загара Сьюзи» и наблюдая за полицейскими в мундирах, расхаживавшими вокруг соседних жилых фургонов.

Не получив ответа, он оглянулся через плечо на Сьюзи, крупную блондинку с бронзовым загаром примерно сорока пяти лет, которая составляла плакат с объявлением о рекламной акции, чтобы вывесить его снаружи. Трудность заключалась в том, что, когда стояла хорошая погода, дела шли ни шатко ни валко, а поскольку прогноз не предвещал дождя до конца недели, ей приходилось что-то придумывать для привлечения отдыхающих.

– Черт, они идут сюда, – пробормотал Гэри и отступил от окна.

– Тогда тебе лучше смыться отсюда, не так ли? – спросила Сьюзи, не поднимая головы.

– Они увидят, как я уйду.

– Ну и что? Может быть, ты обычный клиент, который пришел позагорать. Так или иначе, ты работаешь местным спасателем, и они рано или поздно захотят побеседовать с тобой... разумеется, если сначала не найдут ее.

Она вопросительно прищурилась, встретившись с ним взглядом.

– Проклятье, я не знаю, где она! – воскликнул он и всплеснул руками.

– Тогда тебе не о чем беспокоиться, верно? – язвительно заметила сестра.

Красивое лицо Гэри вспыхнуло от обиды.

– Просто замечательно, – проворчал он. – Даже собственная сестра меня подозревает...

– Я ни в чем тебя не подозреваю, – поспешно вставила Сьюзи. – Я лишь говорю, что если ты начнешь вести себя подозрительно, полицейские подумают, будто ты что-то скрываешь.

Он покраснел еще сильнее, напомнив ей, что ему на самом деле есть что скрывать. Поэтому, наверное, будет лучше, если полицейские пока что не станут расспрашивать его о Софи.

– Отправляйся в заднюю часть салона, – велела сестра. – Я имею в виду, в самую дальнюю часть, а не ту, где стоят кровати, и оставайся на месте, пока я не приду за тобой.

– Что, если они захотят обыскать помещение?

Сьюзи изумленно моргнула. Возможно, Гэри был сложен лучше, чем модель из журнала «Хофф», и в избытке наделен мужской сексуальностью, но соображал он иногда туго.

– Почему они захотят устроить обыск? – поинтересовалась сестра. – Никто не думает, что девочка прячется здесь. Они всего лишь хотят узнать, когда я в последний раз видела ее и известно ли мне что-нибудь такое, что поможет найти ее.

– И что ты скажешь?

Сьюзи поднялась из-за стола.

– Если хочешь остаться здесь, то скоро узнаешь.

Он не захотел. Полицейские принадлежали к числу его наименее любимых персонажей, поэтому Гэри быстро пересек прихожую и исчез за занавеской из бусин. Тем временем Сьюзи взяла лейку и вышла наружу полить герань. Если окажется, что ее брат что-то знает о том, где находится Софи Монро, как она туда попала и почему до сих пор не вернулась, то Сьюзи не хотела, чтобы копы выяснили это раньше ее. Она называла это маленькое упражнение «борьбой за живучесть». Таким способом она хотела защитить все, что имела здесь, прежде чем брат поведает ей очередную неприглядную историю. Уезжать отсюда она

совсем не хотела.

– Добрый день. Не возражаете, если мы немного побеседуем?

Сьюзи с дружелюбной улыбкой обернулась и, к своему удивлению, увидела, что полицейские были в штатском. Но эти мужчина и женщина явно были детективами, а уж если детективы задают вопросы, то они относятся к этому делу серьезнее, чем она думала.

– Конечно, – оживленно согласилась она, прикрывая растущее беспокойство. – Чем могу быть полезна? Честно говоря, – продолжала Сьюзи, прежде чем рыжеволосый молодой человек успел заговорить, – я не рекомендую солнечную терапию для человека с вашим типом кожи.

– Мы сюда не загорать пришли, – ответил он и показал свой значок. – Детектив Джонсон. А это детектив Лоуренс.

Значит, точно детективы. Ее сердце тяжело бухнуло в груди.

– О, значит, вы хотите спросить меня о Софи Монро, – понимающе отозвалась она.

– Мы можем войти? – поинтересовался Лео Джонсон.

Возглавив путь, она указала на кожаные диваны в приемной салона, образующие «зону ожидания».

– Не хотите воды? – спросила она, направившись к кулеру.

Лео поднял руку.

– Спасибо, не надо, – с улыбкой ответил он. – Мы лишь хотим узнать, когда вы в последний раз видели Софи Монро.

Взгляд Сьюзи быстро переместился на женщину, которая продолжала стоять. Она деловито читала все записи на доске объявлений и рассматривала постеры на стенах. Сьюзи отметила, что у нее замечательная фигура и прекрасные волосы, если бы она потрудилась хоть что-то сделать с ними. Некоторые женщины просто не знают, как показать себя в лучшем свете.

– Понятно, – сказала она, повернувшись к Лео и сожалея о том, что разнервничалась без видимой причины. – Трудно быть совершенно уверенной. Я хочу сказать, она постоянно вертится где-то рядом, особенно во время школьных каникул. То ходит в развлекательный центр, то выходит оттуда, работает в торговом пассаже или разъезжает в одном из картов на поле для мини-гольфа. – Она добродушно рассмеялась. – Иногда она ведет себя как настоящая озорница, но немного веселья никому не вредит, правда?

– Разумеется, – согласился Лео. – Итак, вы помните, когда последний раз видели ее?

– Дайте подумать. Знаете, я уверена, что это случилось на пляже в прошлую субботу, она была с группой других подростков. Пожалуй, это был последний раз.

– Значит, вы не видели ее в воскресенье?

Сьюзи медленно покачала головой.

– Нет, не помню.

– Вы знаете кого-то из детей, с которыми она была на пляже?

Сьюзи снова покачала головой.

– Я могу лишь сказать, что они выглядели немного старше, может быть, им было около двадцати. Думаю, они остановились в одном из автомобильных фургонов желтой зоны, то есть в экономклассе, но не могу поручиться за это и уж точно не знаю никого из них.

– Мальчики и девочки?

– Кажется, в основном мальчики. Там была ее подруга, Эстелла. Я помню ее, потому что видела, как она бегала за мороженым к одному из фургонов. Честно говоря, трудно было не

заметить ее, потому что она едва помещалась в бикини.

– И после этого вы больше не видели Софи?

Сьюзи снова посмотрела на женщину-детектива... как ее там, Лоуренс? Теперь она прислонилась к стене, засунув руки в карманы и скрестив ноги: она явно была настороженной и внимательно слушала Сьюзи. Почему она все время молчит? У Сьюзи возникло жутковатое ощущение, что она имеет дело с кем-то вроде телепата, способного добратся до ее тайных мыслей.

– Нет, я не думаю, что видела Софи после этого, – ответила она, повернувшись к Лео. – Но я слышала...

Она замолчала, решив, что с ее стороны будет неуместно рассказывать о ссоре между Софи и Хейди субботним вечером. Так или иначе, скорее всего, Хейди уже сама рассказала им об этом, поскольку Софи ушла уже ночью. Это вряд ли имело значение, особенно с учетом того, что в последнее время эти двое вечно были на ножах друг с другом. Сьюзи могла бы сказать, что бог избавил ее от стресса в отношениях с подростками, но на самом деле сейчас она бы отдала все что угодно за ссору с одной из своих дочерей: это лучше, чем ничего.

Лео вопросительно приподнял брови, явно ожидая продолжения. Осознав, что она должна что-то сказать, иначе это будет выглядеть подозрительно, Сьюзи добавила:

– Я слышала, что в воскресенье она работала на подхвате в мясном ресторане. Там что-то не сложилось с одним из официантов. Она подняла его на смех или что-то в этом роде, но ему это не понравилось.

Это и впрямь случилось, хотя и не в прошлое воскресенье, но, по крайней мере, она смогла что-то сказать.

– Вы знаете, что это за официант?

– Боюсь, что нет.

– Вам известно, есть ли у нее постоянный парень?

Сьюзи пожала плечами.

– Это место создано для отдыха и романтических свиданий, а дети в наши дни быстро заводят друзей и связи... Я хочу сказать, она еще явно мала для этого, – поспешно добавила она, – и я не утверждаю, будто она этим занималась. Но, судя по тому, что я слышала, многие так поступают.

Все это время она думала о своем брате. Слушает ли он их разговор или выбрался из окна и зарылся головой в песок?

Изменив тему беседы, Лео спросил:

– Вы хорошо знакомы с родителями Софи, Хейди и Гэвином?

Сьюзи улыбнулась.

– Мы с Хейди близкие подруги.

– Она часто говорит с вами о Софи?

Осознав, что отрицательный ответ будет звучать нелепо, Сьюзи закатила глаза.

– Покажите мне мать или приемную мать, которая не говорит о своих детях. Если откровенно, то, судя по словам Хейди, Софи иногда бывает большой занозой в заднице, но Хейди всегда находит для нее оправдание, говорит, что она проходит через сложный этап, или чувствует себя покинутой из-за малыша, или что у нее начались месячные.

– А ее отец? – настаивал Лео. – У нее хорошие отношения с ним?

– Насколько мне известно, она считает его небесным светилом, а он думает о ней то же

самое.

Сьюзи ощущала на себе взгляд Лоуренс, такой острый, что он как будто проникал ей в мозг и находил там мысли, о которых она сама не подозревала.

– Я знаю, о чем вы думаете, – неожиданно выпалила она. – Все винят родителей, когда дети слетают с катушек или делают что-нибудь скверное, но Хейди и Гэвин – хорошие люди, одни из лучших, кого я знаю.

От того, как детективы посмотрели друг на друга, Хейди бросило в жар. Она сказала слишком много или же они нашли в ее словах скрытый смысл, которого там не было?

– Я лишь говорю, что если Софи вбила себе в голову убежать из дома, а я думаю, что так оно и было, то вам не стоит винить ее родителей.

Лео улыбнулся и встал.

– Спасибо, мы будем иметь это в виду, – сказал он.

Оторвавшись от стены, Энди спросила:

– Здесь есть задняя дверь?

Сердце Сьюзи замерло.

– Да, но я держу ее запертой.

Энди кивнула.

– Значит, мужчина, которого я видела за шторой в окне, до сих пор находится где-то здесь? Он слушает нас?

Кровь отхлынула от лица Сьюзи.

– Я... я не думаю... Наверное, он лежит на одной из кроватей в задней комнате. На сегодня он пока что мой единственный клиент.

– Это кто-то из отдыхающих или он здесь работает?

– Э-ээ... он устроился здесь на сезонную работу спасателем у бассейна под открытым небом. Вообще-то он мой брат, – неловко добавила она. Теперь уже не имело смысла скрывать, иначе потом, когда они все выяснят, это будет выглядеть подозрительно. *Ради бога, только бы он не был вместе с Софи Монро вечером в прошлое воскресенье!*

Лео достал ручку.

– Как его зовут?

Так или иначе, Гэри был нездешним, поэтому его имя ничего им не скажет... если они не станут проверять сведения о нем по своим базам данных. Тогда все силы ада могут вырваться на свободу.

– Гэри, – хрипло ответила она. – Гэри Перкинс.

Детектив Лоуренс снова посмотрела на нее. Ее взгляд был таким пронзительным, что пригвоздил Сьюзи к месту, вынуждая ее к признанию, о котором она даже не подозревала. Что кроется в глазах этой женщины?

– Вот моя визитная карточка. – Лео передал ей визитку. – Если вспомните что-нибудь еще, позвоните мне.

Заверив, что так и будет, Сьюзи смотрела из открытой двери, как они идут по дороге к лавке «Элфис Пай», без сомнения, обсуждая ее слова. А может быть, и то, о чем она умолчала, – и, бог свидетель, она умолчала о многом, – но она точно не собиралась пересказывать местные слухи о девушках-иностранках, которые работали в парке, а потом становились стриптизершами или хуже того, потому что эти слухи не имели никакого отношения к Софи Монро, даже если это было правдой. На самом деле она не верила в эту чепуху.

Направившись в заднюю часть салона, она увидела своего брата, который сидел на кровати, обхватив голову руками.

– Ты все слышал? – спросила она, смерив его тяжелым взглядом.

Он кивнул.

– Только не говори мне, что ты был вместе с Софи Монро в прошлое воскресенье вечером! – яростно произнесла Сьюзи.

Гэри поднял голову. Виноватое выражение его лица говорило само за себя.

– Чем ты думал? – выкрикнула Сьюзи и отвесила ему пощечину. – Черт побери, ты прекрасно знал, сколько ей лет...

– Перестань, ну перестань, – проворчал Гэри и поднялся на ноги. – Я не виноват, что она сбежала из дома.

Глаза Сьюзи гневно сверкнули.

– Ты знаешь, как много значит для меня это место... – Ее голос пресекся, она всхлипнула. – Я не могу вернуться туда, где жила раньше, и целыми днями думать о том, какой была бы моя жизнь, если бы они не умерли... если бы эта ненормальная сучка...

– Ш-шш, мне очень жаль, – пробормотал Гэри и попытался обнять сестру. – Я не хотел причинить никакого беспокойства.

– Да, ты никогда не хочешь, но просто не можешь остановиться. – Она оттолкнула его и в отчаянии закатила глаза. – Почему ты оказался рядом с ней? Если они не найдут ее, то подумают, что ты имел какое-то отношение к этому.

– Клянусь, я ничего такого не делал...

– Они найдут ее, не так ли? – с нажимом спросила она.

– Конечно, найдут.

Сьюзи хотела ему верить и больше всего на свете желала, чтобы слова Гэри оказались правдой, но ее охватило ужасное предчувствие. Она не могла выразить его словами. Оно просто *было* там, залегло в ней, как камень, и она не имела представления, как избавиться от этого наваждения.

– Как насчет девушек, которые здесь работали? – спросила она. – Думаешь, Софи могла уехать с одной из них?

– Нет, не думаю, – раздраженно бросил он. – Кроме всего прочего, она еще слишком мала.

– И кто это говорит? – Внезапно, не зная, что еще сделать, она потянулась к телефону. – Я должна позвонить Джекки Пойнтер.

– Зачем?

– Нужно сообщить ей, что происходит.

– Ты серьезно думаешь, что она уже этого не знает?

– Джекки, это я, Сьюзи из салона, – выпалила она, когда на другом конце подняли трубку. – Спасибо, у меня все хорошо. Ну в общем-то... Вы просили меня держать вас в курсе насчет Софи...

– Она всех об этом просила, – проворчал Гэри.

Отвернувшись от него, Сьюзи сказала:

– Да, полицейские все утро провели в кемпинге. Нет, больше ничего... Но раньше это были только патрульные, а сегодня двое детективов задавали разные вопросы... Честно говоря, я не знаю, насколько серьезно они к этому относятся, но если к делу подключился уголовный розыск, значит, они берут все в свои руки... Хорошо, обязательно. Все, что я

услышу. Спасибо. Извините, что побеспокоила вас.

Она положила трубку и повернулась к брату.

– Лучше молись, чтобы эта девушка поскорее нашлась, – сказала она. – Потому что для нас это единственная возможность остаться здесь и не разрушать нашу жизнь.

Заметив двух офицеров в мундирах, расспрашивавших сотрудников магазина «Элфис Пай», Энди и Лео решили не вмешиваться и свернули в тенистую аллею, ведущую к более богатым фургонам кемпинга, где солнце сверкало на оконных стеклах и малыши бегали друг за другом по ярко раскрашенной детской площадке. Большое объявление гласило: «Дети должны находиться в сопровождении взрослых». Энди не помнила ничего подобного во времена собственного детства, когда свобода казалась безграничной, а жилые фургоны как будто гордились своей обшарпанностью, и каждый отличался от другого не только размерами, формой и цветом, но и колоритом. Тогда между ними не было асфальтовых дорожек и нарядных деревянных навесов, оформленных как внутренние дворики, – лишь кустики чахлой травы и тенты, натянутые от солнца. Эти блестящие коробки ванильного цвета были кемпинговой версией домов Уимпи^[5], и каждый фургон (или «вилла», как здесь назывались эти «резиденции»), стоявший в красной зоне, как будто сошел с фабричного конвейера. Учитывая размеры домиков, Энди могла себе представить, что внутри они довольно роскошные – явное преимущество для отдыхающих, хотя она сама всегда питала склонность к раскладным диванам, складным столам, которые можно было спрятать в буфет, и походным газовым плитам, которые при розжиге опаляли брови.

– Гэри Перкинс, – произнесла она, когда они вошли в желтую зону, где фургоны, хотя и внушительных размеров, все же больше напоминали те, которые она помнила с детства. Пенни всегда нравились голубые, а они с Фрэнком предпочитали двухцветные или разноцветные. – Имя кажется знакомым, но не могу вспомнить, почему. Оно тебе о чем-нибудь говорит?

Лео покачал головой.

– Странно, что он прятался сзади.

Энди не могла не согласиться.

– Нужно попросить одного из офицеров поговорить с ним, если они уже не сделали этого.

– А что ты думаешь о сестре?

Он пожал плечами.

– Вроде бы держится вполне нормально.

– В ней есть что-то скорбное, – задумчиво сказала Энди. – За всем этим оранжевым загаром и оленьими ресницами скрывается очень грустный человек, который пытается найти свой путь в мире.

Лео удивленно посмотрел на нее.

– Как и большинство из нас, – заметил он.

Энди покосилась на него.

– Тебе грустно, Лео? – ласково спросила она.

– Ты и половины не знаешь, – ответил он.

Энди решила сменить тему и сказала:

– Знаешь, что больше всего беспокоит меня в отношении Сьюзи Перкинс? На самом деле она – как и почти все, с кем мы сегодня разговаривали, – демонстрирует полное

безразличие к Софи. – Она немного помедлила, размышляя о том, уместно ли в данном контексте слово «безразличие». – Но у Сьюзи это было особенно заметно, принимая во внимание, что она вроде бы дружит с родителями Софи.

– Так что ты имеешь в виду?

Что она имела в виду?

– Что Софи – человек, пусть и ребенок, у которого есть сердце и чувства, хотя все как будто не хотят помнить об этом. Учитывая ее возраст, она сейчас особенно чувствительна и изо всех сил старается скрыть это за развязностью и агрессивностью, о которой мы слышали.

– Она далеко не первая, кто так поступает.

– Разумеется, это так, но побег может быть призывом к вниманию, и если это так, то странно, что никто, кроме ее родителей, вообще никак не реагирует на случившееся.

– Она не отвечает на звонки и не выходит в Интернет, – напомнил Лео.

– Возможно, она хочет создать шумиху. Ей нужно знать, что кто-то потрудился позвонить в полицию, а полицейские, в свою очередь, серьезно отнеслись к ее исчезновению.

Лео изогнул бровь.

– Пожалуй, мне ты можешь это продать, но не думаю, что Голд сочтет такие доводы достаточно вескими, чтобы поднять ставки.

Энди понимала, что он прав, и глубоко вздохнула.

– Те ребята на пляже, о которых говорила Сьюзи, – продолжал Лео, вернувшись к повседневным делам. – Хочешь, я выясню, кто они такие?

Она медленно кивнула.

– Вероятно, они до сих пор здесь, а если нет, то должны остаться записи обо всех, кто арендовал места в кемпинге.

Энди посмотрела на зазвонивший телефон и заранее напряглась на тот случай, если это Мартин. Но это оказался Голд, без сомнения, хотевший получить новую информацию о кражах на Вермерс-роуд; согласно утреннему докладу, который она получила, они произошли при свете дня, практически у всех на виду.

Как этим людям удастся покинуть магазины, а сигнализация не срабатывает? Должно быть, это инсайдерская работа, но почему в каждом магазине происходит одно и то же?

Решив разобраться с Голдом после возвращения на работу, она перевела звонок на голосовую почту и быстро прочитала два сообщения, полученные во время беседы в салоне Сьюзи.

Папа только что приехал. Сегодня он остается у бабушки Кэрол, и мы будем вместе с ним. Целую, Алайна.

Отменил свой вечерний урок вождения, так что тебе не придется забирать меня. Решил остаться вместе с папой и бабушкой Кэрол. Наверное, буду завтра. Люк.

Оторвавшись от телефона, Кэрол попыталась собраться с мыслями. Но сегодня это было нелегко. Возможно, из-за жары, но, скорее всего, из-за воспоминаний о Пенни, которые продолжали терзать ее сердце. Или дело в том, что Грэм должен вернуться завтра вечером, а Мартин теперь находится в Кестерли. Вчера он прислал эсэмэс, где сказал, что было уже слишком поздно звонить, когда он получил голосовое сообщение от нее, но предлагал встретиться.

Она еще не ответила, но когда они закончат свои дела здесь, все равно придется ответить.

– Давай найдем Барри и получим полный отчет о том, что удалось собрать патрульным сегодня утром, – предложила она. – А потом, исходя из того, что супруги Монро по-прежнему не слышали ничего нового, отправимся к Эстелле Моррис.

– Что случилось, Томаш? – озабоченно спросила Кася, когда он выключил свой телефон и вышел из сада. Она не слышала разговор, но, судя по тону и беспокойному выражению его лица, что-то явно шло не так, как надо.

– Ничего особенного, – рассеянно ответил он.

– Тогда почему ты...

– Вообще-то, это моя мать, – сказал он. – Ее отвезли в больницу.

Моментально встревожившись, Кася спросила:

– Что произошло? Она попала в аварию?

Когда он покачал головой, то выглядел настолько расстроенным, что Кася усомнилась в том, слышал ли он ее вопрос.

– Она упала на улице, – пробормотал он. – Никто не знает, почему, но врачи обследуют ее.

– Тебе нужно ехать к ней, – решила Кася. – Она нуждается в тебе.

Он уронил голову на руки.

– Мне нужно так много сделать здесь...

– Теперь это не имеет значения. Она твоя мать. Если с ней что-то случится, ты никогда не простишь себе, что не поехал.

В его обычно ласковых голубых глазах отразилась боль, когда он встретился с ней взглядом.

– Все будет в порядке, – твердо сказала Кася. – Мистер и миссис Пойнтер поймут, почему тебе пришлось уехать. Кроме того, у тебя хорошая команда. Уэсли сможет разбираться с делами до твоего возвращения.

– Ты права, – сказал он и провел ладонью по лицу. – Мне нужно ехать.

Кася крепко сжала его руку обеими руками и поднесла ее к щеке.

– Я буду молиться за тебя, – искренне пообещала она.

Томаш привлек ее к себе и обнял.

– *Kocham cie*, – жарко прошептал он.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала она в ответ.

Спустя некоторое время он отодвинулся в сторону и обхватил ее лицо большими мозолистыми ладонями.

– Мне нужно подняться наверх и забронировать билет на ближайший рейс, – сказал он.

– Можешь воспользоваться нашим новым компьютером, – с улыбкой отозвалась Кася.

Томаш не удержался от улыбки.

– Хочешь, я поеду с тобой? – предложила она. – Я могу попросить Оленку присмотреть за детьми.

Он прикрыл глаза и покачал головой.

– Ты нужна им здесь.

Да, разумеется, Кася знала, как бы чувствовала она, если бы что-то случилось с ее матерью. Но она не захотела бы поехать одна, а у Томаша не было братьев или сестер, чтобы

поддержать его в трудную минуту.

– У меня все будет нормально, – заверил он, словно ощутив ее тревогу.

– Пусть Господь и Святая Дева позаботятся о тебе, – проговорила Кася, прикоснувшись к крошечному медальону непорочного зачатия на своей груди.

Томаш кивнул и обернулся, когда Антон вбежал в комнату.

– Привет, маленький мужчина, – с улыбкой сказал он и подбросил ребенка в воздух. – Не беспокойся, я не забыл о тебе.

– Мы собираемся построить дом для Ани, – сообщил Антон матери. Прикинувшись удивленной, хотя она слышала об этом с раннего утра, Кася сказала:

– Это замечательно. Она будет там кушать и пригласит своих друзей поиграть?

Антон кивнул.

– Она обещала пригласить и меня, а обещания нужно держать, верно? – он посмотрел на Томаша.

– Это точно, – согласился тот. – А теперь я хочу, чтобы ты пошел и убедился в том, что знаешь, где мы должны поставить дом. А я пока поднимусь наверх и закажу билет на самолет.

Антон округлил глаза.

– Куда ты собрался? – обеспокоенно спросил он.

– В Польшу, повидаться со своей мамой. Но я уеду ненадолго и обещаю, что даже если мы не закончим делать дом до того, как ты ляжешь спать, к завтрашнему утру все будет готово.

Когда Антон убежал в сад, а Томаш поднялся наверх, Кася вернулась к прерванному занятию и стала складывать выстиранное белье. Поскольку рейсы на Краков ежедневно отправлялись из Бристоля, она решила, что он попробует заказать билет на утренний вылет. Это означало, что Томаш уедет из дома примерно в шесть утра, но если он получит срочный вызов на один из объектов, принадлежавших Пойнтерам, то будет обязан отправиться туда. Тем не менее, даже если ему придется не спать всю ночь, она не сомневалась, что он построит игрушечный домик еще до отъезда.

Теплое сияние любви в ее сердце было для нее таким же драгоценным, как и ее дети, и таким же важным, как причастие, которое она принимала каждое воскресенье. Ей было за что благодарить Бога. Она никогда не думала, что можно найти столько доброты в мужчине после всего, что ей пришлось вытерпеть от своего мужа. К счастью, он не имел понятия, где она теперь находится: ее родители ни за что не скажут ему, да и он был в постоянном подпитии, поэтому вряд ли сумел бы выяснить это. Алкоголизм был одним из величайших бедствий ее страны, и многие мужчины кончали с собой или падали зимой в снег и замерзали до смерти.

Томаш был совершенно другим. Он был сильным, честным, храбрым и не испытывал потребности в алкоголе или других вещах, чтобы отгородиться от мира, потому что ему не нужно было ни от чего отгораживаться.

Сегодня вечером она вознесет особую молитву за здоровье его матери и добавит еще одну за благополучное возвращение Томаша.

[Купить полную версию книги](#)

Детская карточная игра, похожая на подкидного дурака. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

«Вестлайф» – молодежная поп-группа из Ирландии, наиболее популярная в 1998–2006 гг.

Любимая (*польск.*).

Старший суперинтендант – офицер британской полиции, следующее звание после инспектора.

Серые одноэтажные дома на одну семью, которые появились во время массовой застройки в Англии после Второй мировой войны.

В оригинале – «G and T», что в разговорной речи означает «джин с тоником».

Это я (*польск.*).

«Полсар» (Polsar) – тактическое разыскное подразделение, оказывающее поддержку полиции при расследовании убийств и террористической деятельности.

FLO (Family Liaison Officer) – сотрудник полиции, который находится в доме потерпевших и обеспечивает защиту от СМИ и связь с диспетчерской.

БКУ – Бюро криминального учета, где хранятся базы данных о всех преступлениях, совершенных на территории страны.

Итальянский омлет с сыром, овощами и начинкой из колбасы или мяса.

«Как девственница» *(англ.)*.

Котенок (*польск.*).

«Шлюха!» (*польск.*).

«Джорди Шор» – британское реалити-шоу о тусовках богатой молодежи в Ньюкасле на канале MTV.

Бранное слово (*польск.*).

Анадин – торговая марка лекарства, парацетамол с кофеином.

Редкая наследственная разновидность порока сердца.

Джейми Оливер – популярный британский шеф-повар, ведущий гастрономического шоу, автор ряда кулинарных книг и фильмов о кухне разных народов.

Сонни и Шер – британский поп-дуэт супругов Сонни Боно и Шер, существовавший в 1964–1977 гг.

CPS (Crown Prosecution Service) – Королевский уголовный суд Великобритании, но также и служба судебных следователей, назначаемых по приказу верховного прокурора.

Полицейское предостережение – британский аналог «правила Миранды» в США, уведомление подозреваемого о его правах и обязанностях.